
18+
ДИМА
ПИМЕНОВ
Гавриил
Полковечер

Дмитрий Пименов

Гавриил. Эффи

«Издательские решения»

Пименов Д.

Гавриил. Эффи / Д. Пименов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Вспомнить, как любить.Как-то раз мальчику приходится стать взрослым.Как-то раз он возвращается из школы.Как-то раз его похищают.Как-то раз началась история Эффи…

© Пименов Д.
© Издательские решения

Содержание

ГАВРИИЛ 6
Скай. Часть первая 6
Глава 1 10
1 11
2 17
3 19
4 21
5 24
6 28
7 30
Дневник Михаила. Часть первая 32
1 42
2 43
3 48
4 52
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Гавриил. Эффи

Дмитрий Пименов

© Дмитрий Пименов, 2026

ISBN 978-5-4498-4276-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГАВРИИЛ

Скай. Часть первая

В семнадцать лет серьезность не к лицу,
И как-то вечером оставьте свои полные бокалы,
И шумные кафе, и свет слепящий люстр,
Под липами пора гулять настала…
(Артюр Рембо)

12 мая 2005-го года.

«Хм, отличное сочинение… Ну, четверка гарантирована» — подумал про себя семнадцатилетний парень, держа в зубах ручку, а под рукой черновик с работой на тему «Проблемы отцов и детей в произведениях писателей двадцатого века». Комната была окутана полумраком, хоть на улице и было светло. Толстые зеленые шторы, казалось, могли защитить от холода даже в самый лютый мороз, если ими укутаться словно одеялом. Кроме прочей спальной утвари в комнате здесь и всюду стояли, а некоторые лежали, деревянные скульптуры: какие-то достигали тридцати сантиметров, какие-то были не больше ладони, но все они были лакированы и подписаны белым фломастером. Отец этого юноши, будучи практичным человеком, каждый раз, когда сын приносил из гаража новую фигурку какого-нибудь животного, советовал подписывать ножом или сносить на завод, где работал глава семьи, чтобы там выгравировали инициалы мальчика. Но сыну это не нравилось, или он упирался из принципа, и каждый раз, когда инициалы наконец-то теряли свою яркость, подросток подписывал свои творения снова. Раз за разом. Ему нравилось подновлять их таким образом. Такие ритуалы уносили его в страну воспоминаний, когда он мучился, вытачивая каждый уголочек скульптуры, каждый волосочек на гриве лошади или чешуйку на панцире черепахи. Его отец хоть и старался быть как можно мягче, но отнюдь не разделял эту идею мальчика. Отец на все закрывал глаза, потому что мальчик работал руками, и всегда, когда сын порезал руки или отбивал пальцы в гараже, ему, папе, это грело душу, как бы это дико не звучало. Мальчика, кстати звали Славой.

«Рабочие руки строят будущее! — говорил Владимир, отец Славы, — Они строят фундамент!». Сыну это высказывание никогда не казалось остроумным, однако он все размышлял над ним… Если он «строит» скульптуры, значит они — фундамент? Значит искусство фундамент будущего? Но он работает и головой в то время, как творит. Головой — значит воображением. Фрезеровщик не думает, как сделать так, чтобы болт вызвал восхищение у какого-нибудь механика, который будет собирать очередную русскую развалюху. Дорожный рабочий не станет возделывать на дороге скульптуры из асфальта, чтобы она стала объектом искусства, на который будут пялиться проезжающие, которые, в общем-то ничего и не замечают, хотя смотрят всюду и везде. Поэтому мальчик считал себя больше, чем частью «рабочих рук будущего», он чувствовал себя вдохновителем.

С этими мыслями Слава взял фигурку ангела, единственную скульптуру, связанную непосредственно с религией. Рассмотрел: повернул вправо, влево, «спиной» к себе, потом осмотрел подставку, на которой стояли тонкие ножки маленькой девочки. Надпись стерлась. Мальчик схватил фломастер со стола, открыл его зубами и застыл на месте. «Что ж, — подумал он. — не сегодня».

В тот майский вечер погода шептала и звала гулять на улицу всех, а одиннадцатиклассники никак не могли противиться этому зову. И Слава не мог. Еще в четыре часа вечера, когда он с ребятами вышел из школы, отсидев двухчасовую консультацию, договорился погулять в

этот чудный вечер четверга. Но, когда сел за сочинение в пять часов вечера, то обнаружил, что у него нет идей, и поэтому ему пришлось отложить вечернюю прогулку и взяться за сочинение. Отнюдь, идеи не заставили себя долго ждать, и к семи часам он уже был свободной пташкой. Слава на отличника не тянул, а на писателя уж тем более, но проблема отцов и детей… Какому подростку эта тема не близка? Решил прогуляться до Большого театра, срезать половину Большой Дмитровки и вернуться домой. На набережную его не тянуло, его буквально убивал запах этой реки, поэтому посещал это место только при условии, что придется идти туда пешком, видимо надеялся, что друзья устанут и повернут к другим улицам. Они всегда пытались ему угодить. Нет, это не было подхалимством или чинопочитательством (какой тут чин в семнадцать лет?). Слава был душой компании, и не только… Помимо основного набора «хорошего мальчика» в его качествах числилась уверенность с нотками хамоватости, но никто и никогда его в этом не упрекал. Друзья знали, что в этом мире нужно вести себя подобным образом, иначе тебя ЗАДАВЯТ.

Солнце золотом отливалось на куртке подростка. Весна выдалась ранней и жаркой, так что вечерами можно было накидывать легкую кофточку или пиджак, но Слава всегда заглядывал вперед на сто километров: вдруг дождь, вдруг загуляемся, вдруг — решим укатить в другой город. Но в этом его почти никто не слушался, все одевались, как можно легче… Точнее, как можно красивее. Новое время, ничего не поделаешь. Слава не любил длинные прически, даже средние, потому что у него были кудрявые волосы, как и у отца, как и у деда (которые давным-давно выпали). Длинные кудри скрывали красоту мальчика, как ему казалось, и поэтому он этого стеснялся. Стеснялся ходить будучи «неприбранным», потому что хотел внимания девчонок, которые до шестого класса на него внимания не обращали: они были маленькими и не понимали ничего; Слава носил кудри до бровей. Но к одиннадцатому классу ему проходу не было от прекрасного пола. В школе было немного таких парней, и все они были нарасхват, но он теперь не мог этого позволить. Его сердце заняла Саша Семенова из двести тридцать второй школы. Славе всегда казалось странным, что живут они в соседним домах, а учатся в пяти километрах друг от друга, а, между прочим, двести первая школа всего в одной автобусной остановке от их домов. Ну, одинаковые дома, ну возраст одинаковый, но родители разные. И социальный статус их был разный…

Спустя два часа, когда солнце уже скрылось за горизонтом, а небо только-только начинало сереть, Слава приметил одну девушку. Он не знал, чем она его зацепила. НО ЗАЦЕПИЛА!

«Нет, я не пытаюсь ее догнать, — уверял себя парень, — ну увижу и увижу, что такого? Ну что такого, если я заговорю с ней, что такого, если обниму ее, приглашу в кафе? Хотя кого я пытаюсь обмануть? Я хочу ее догнать».

Сквозь толпу Слава пытался не потерять девушку в ярко-красном пальто. Белые волосы нежно раскачивались туда-сюда за спиной в такт быстрым шагам. «Какой удивительный цвет, — подумал подросток, — будто крашеные». Она обернулась, когда переходила дорогу, мальчика это немного встревожило. Он увидел ее молодое лицо без единой морщинки, на вид ей было лет двадцать. Спина его покрылась испариной. Ну осмотрелась девчонка на светофоре, ну и что такого? Слава двинулся дальше вслед за незнакомкой. Вот была бы умора, если бы Саша увидела его щенячьи глазки и бледное, но счастливое лицо, устремленное в спину девушке в красном. Он даже не ведал, куда идет, он просто шел за нею по пятам. После двухчасовой «дополнительной прогулки» Слава наконец остановился — ведь остановилась девушка. Подросток и не заметил, как уже подходил ко второму ярусу набережной. Теплый ветер слегка задевал пальто девушки. Она осмотрелась, и двинулась вниз по лестнице. Затем она прошла еще около ста метров и остановилась, после чего, облокотившись на перила, наблюдала за пароходами, в которых, по большой части, пассажирами были приезжие.

Слава сел в пяти шагах от нее на лавочке, буквально на минуту, делая вид, что завязывает ботинки. Она вновь осмотрелась, и их взгляды пересеклись… и разошлись. « Сколько я за ней шел? Уже темно. А вдруг она подумает, что я маньяк? — колебался Слава, — А если я ей не понравлюсь? Ну и что, есть же Саша. А вдруг эта девушка моя настоящая любовь?» — размышлял про себя Слава. Есть же Саша — размышлял так будто она некая подушка безопасности, если он вдруг попадет в аварию с девушкой ярко-красном пальто.

Свет фонарей заливал весь каменный берег, под одним из ламп находилась незнакомка, и делала вид, что не замечает преследователя. В конце концов он встал, подошел к ней и облокотился на перила.

— Хорошая погода, — сказал он вслух. — «Идиот, какая погода?» — сказал он про себя.

— Да, отличная… Для того, чтобы следить за незнакомыми девчонками. — произнесла девушка в красном.

— Не понимаю, о чем вы. — удивился Слава.

— Ну да, а кто шел за мной от Большого? — спросила незнакомка.

— Ну, может быть, те тысячи людей, что спешили куда-то? — отшутился Слава.

— Так себе отговорка. — произнесла девушка игриво.

«Ну вот, я ей не понравился, даже над шуткой не смеется» — размышлял про себя Слава.

— Хэй, ты чего молчишь? Язык проглотил? Может познакомишься со мной? — предложила девушка.

— А, да так, ничего. А, нет, то есть, да. То есть, меня Слава зовут. А тебя? — волнение начало закипать еще сильнее.

— Я Скайфорт, дочь Карри. — ответила девушка, вытянув одну ногу вперед, а руки уперев в бок. Слава смутился. Девушка выдержала небольшую паузу и продолжила, — Да расслабься, меня зовут Лилия.

«Неужели какая-то сумасшедшая попалась» — подумал про себя Слава.

— Очень приятно, Лили.

— А мне-то как приятно. За мной еще никто так упорно не следил. — подала предлог для комплимента Лилия.

— Я думаю, это странно, за тобой должны толпы бегать.

— Ты как моя бабушка. — ответила девушка, Слава заерзал на перилах локтями, — да расслабься, я поняла.

— Поняла, что ты красивая? Я вот сразу…

— Может уже познакомимся?

— А мы разве не знакомимся? — ответил Слава. Девушка ухмыльнулась. — Я вот ненавижу набережную, просто выносить не могу.

— Но все-таки ты здесь, — заметила Лилия. — хотя мы то с тобой знаем, почему ты здесь.

— Да. И все из-за этого гребанного сочинения. — наигранно стукнул он ладонью по перилам.

— Значит я должна быть благодарна сочинению? — осведомилась Лилия.

— Это комплимент? Еще никто не делал мне таких комплиментов. — смутился Слава.

— Неужели? Насчет прически — да. Но тебе самому…

— Это очень смешная шутка. Да. — ответил парень. — Когда девушка шутит с тобой подобным образом, то это значит, что ты ей нравишься.

— Самоуверенный какой, — она на мгновение прикусила кончик мизинца, — ты вроде бы ничего. У такого, должно быть, есть девушка, а ты тут за незнакомками гоняешься.

— А с чего ты взяла, что она у меня есть?

— А с чего бы тебе так волноваться? — парировала Лилия.

— Я не волновался. Я просто выжидал момент. — ответил Слава.

— А если бы я подумала, что ты маньяк и выбрызгала бы тебе в лицо баллончик? — предположила девушка.

— Тогда бы это было не очень удачное знакомство. — отшутился Слава. — Может прогуляемся? Или мы еще недостаточно знакомы?

— А у тебя немного опыта в знакомстве, верно? — парень кивнул, а девушка ему нежно улыбнулась.

После они отправились в парк и около двух часов гуляли под деревьями, обошли все, что можно и по нескольку раз, но они того не заметили, потому что малыш с крыльями и голой попой уже натянул тетиву. В воздухе витал запах лип, а также роз, которые продавали в местном цветочном ларьке, но Лилия сказала, что если Слава купит ей хотя бы один цветок, то его лицо будет выглядеть не очень приемлемо для школы, потом игриво улыбнулась. Затем они просидели около часа под огнями фонарей. Они были близки к тому, чтобы поцеловаться, но Слава понял, что лучше не торопиться и подождать.

В итоге он проводил ее домой, но до самого подъезда не дошел — она не разрешила. Когда вернулся к себе, то было около часа ночи, а он еще забыл взять ключ, а отец очень уж не любит просыпаться ночью, ведь завтра на работу, а его разбудил загулявшийся подросток. Ну, может, тогда мама… Но дверь ему открыл младший брат. Славе даже не пришлось стучать или звонить в дверь. Ведь его на кухне ждал брат. Всегда ждал, потому что не хотел, чтобы папа с мамой ругали старшего брата. Никогда не хотел. Славе едва хватило сил раздеться, так что о позднем ужине речи быть и не могла. И он уснул. Так закончился первый четверг мая для семнадцатилетнего парня, который в этот вечер нашел, кажется, нового друга… Или не просто друга.

Глава 1

В дорогу, в дорогу!

Нет силы терпеть.
Лишь ведомо Богу,
Куда нам лететь,
Лететь или мчаться,
А может, идти,
И с кем нам встречаться
На долгом пути.
(Александр Суслов)

1

1994 год

Осень. Конец октября. Зима даже и не думала надевать свои валенки и вваливаться в город. И хорошо. Бабье лето во всю разгулялось. Зной хоть и был не таким, как летом, но все же ходить в пиджаке было жарковато. Шестилетний мальчик, одетый как раз в такой пиджак, темно-синего цвета с эмблемой книги на рукаве, шел под ручку с девочкой. В правой руке ее был портфель, и пусть он был розовым, зато она поцелует его в щечку. Она так обещала, а Саша никогда не врала. НИКОГДА. Спутница была одета в сарафан черного цвета, под которым виднелась белая рубашка. Она игриво улыбалась мальчику, когда тот неловкими движениями порой откидывал каштановые волосы, которые перед уроками были заботливо зализаны набок его сестрой. Очень уж любила его Майя.

Шестилетняя парочка вошла во двор домов «256», «256А» и «258», которые выгляди сверху как буква «П», второй по средине и два остальных по краям от него соответсвенно. По протоптанной тропинке вдоль детской площадки юноша вел Сашу к дому «256А». Припекало все сильнее и сильнее, но до дома оставалось совсем немного и мальчик терпел, не желал показывать хоть малейший знак слабости при девочке. Они миновали дом «256», вдоль подъездов которого они шли к назначенной цели, и прошли к подъезду «2».

Юноша достал из левого кармана штанов связку ключей, и деловито поднес пластиковый ключ к домофону. Дверь запищала, девочка вошла в подъезд первой, за нею и сам ухажер. Саша спросила, не хочет ли мальчик подняться на лифте, уже в который раз, но он все же не согласился, ну не любил он их. Уже в который раз они шли на девятый этаж по лестнице. Оба молчали, оба стеснялись заговорить в этом месте, каждое слово на лестничной площадке раздавалось эхом, и разговор их могли услышать. Хотя чего им бояться? Однако они боялись и стеснялись, они ведь были маленькие дети, а маленьким детям не принято дружно ходить под ручки, особенно первоклашкам. Маленьким детям принято дразнить друг друга, особенно девчонок. Но эта пара к той категории не относилась.

— Ну что ж, до завтра, сегодня выйти не смогу, — твердо и уверенно мягким и тонким голосом произнес мальчик, — надо дочитать книгу. Ничего не поделать, такой уж я. — сказал он это с важностью взрослого человека.

— Ладно, пока, Гаврик — девочка чмокнула мальчика в щеку. Знала, что он не любил, когда его так называют, однако, она относилась к маленьким детям, и значит ей принято немного издеваться. Однако издеваются друг над другом и взрослые, но обижаются меньше.

С тем она вошла в дверь с надписью «78». А юноша этот отправился к квартире напротив.

Мальчик нажал правым большим пальцем на звонок, что находился у самой двери квартиры, где он жил — никто не открыл, пришлось использовать ключ, по всей видимости, отец сдержал обещание и до вечера не собирался приезжать. Тут все уже было отработано до автоматизма: мальчик шел в туалет, затем в свою комнату, чтобы переодеться, затем на кухню, чтобы покушать, затем возвращался в свою комнату и ложился спать на полчаса, иногда на час. Его отец всегда говорил: «Что в жизни действительно важно, так это любовь… Шучу, сон, конечно же». Мальчишка и никогда и не спорил — что-что, а сон он любил.

Долго поспать не удалось, его разбудил отец.

— Майя еще не пришла? — спросил мальчик взрослого мужчину, который был на вид лет пятидесяти, лысый в ярко-синей рубашке и черных штанах. Пахло от него сигаретами и каким-то жгучим парфюмом, мальчик в ответ помотал головой. Затем сел на край кровати, отец тем временем направился к двери из комнаты сына.

— Она раньше двух не приходит, ты же знаешь. — ответил отец твердым голосом из-за спины, уходя на кухню.

— Ага, ты поел? — донеслось от мужчины откуда-то издалека, мальчик кивнул, мол ел. — Ты опять киваешь? Я же не вижу, скажи вслух, сынок!

— Ел, пап. — ответил мальчик, вздрогнув. Потому что знал, когда отец называл его «сынок», это значило, что папа злой. — Пап, можно вопрос? — не дожидаясь ответной реплики продолжил, — я слишком маленький для того, чтобы иметь даму сердца?

— Любить никогда не рано, — отца подобные вопросы не удивляли, они постоянно сыпались в его адрес или в адрес старшей сестры, — и возвращаться никогда не поздно, тебя всегда будут ждать, я, по крайней мере, точно.

Тем временем юноша встал с кровати и ушел на кухню, которая находилась сразу через стенку от комнаты мальчика, тот вышел, повернул налево, и вошел. Мальчику очень нравилась эта комната — кухня не была похоже на те, что были у его друзей дома, пол был полностью вымощен черно-серой плиткой без узоров, стены были выкрашены в белый цвет, и никаких обоев в цветочек. Мальчик был слишком юн, но уже тогда понимал, что такое вкус. И что вкус его отца действительно хорош.

Папа стоял у гарнитура и нарезал колбасу для бутербродов, рефлекторно повернул голову вправо, когда сын вошел в двери, и затем продолжил приготовления.

А вот это действительно показалось мальчику странным, но он все же решил не задавать лишних вопросов. Эти взрослые вечно хранили какие-то тайны и говорили ерунду. Мальчик знал, что все люди хранят тайны и несут ерунду. И отец тоже.

Сын сел за стол и стал ждать, когда папа приготовит по бутерброду.

— Значит и маме не поздно вернуться? — наивно пролепетал юноша.

— Ч-что? Нет, ты… — отца оборвал стук в дверь. Наверное опять эта бабка Катерина. — « Ну что за калоша, для кого звонок?» — сказал про себя отец. Вместе с тем он пошел открывать входную дверь. Отнюдь, калош там не было и пожилых Екатерин — тоже.

Он открыл дверь, бубня себе под нос что-то вроде « старая деревенщина, скольк…». Удар в лицо. Что-то хрустнуло. Нос как будто разрезало… А нет, он просто сломался. Отец закричал.

— Какого хрена, мать в-в…? — держа нос обеими руками разрывался отец.

— Пап, кто там? — крикнул тонким голосом мальчик. Затем быстро выбежал в коридор, увидел лицо отца в крови, который пытается закрыться ладонями. В дверном проеме стояло двое мужчин, справа — тот, что пониже и похудощавее, доставал нож. Тот, что слева, высокий и мускулистый мужчина, Вытирал кулаки белым полотенцем.

Тот, что справа, в потертой кожаной куртке, поднял отца, заломав ему руки за спину. Затем на сцену вышел мистер нож. Нож, который пришелся отцу в область живота. Отец соскользнул по стене, собирая руками одежду, висящую на вешалке. Затем ему пришлось еще несколько ударов. Но мальчик уже обратно вбежал на кухню, потянув дверь, чтобы закрыться, ведь по кухонному балкону можно было добраться к старой ворчунье — всяко лучше, чем быть убитым двумя мистерами кожаными куртками. Но все было тщетно. Глухие шаги становились все громче. Дверь выбили, и это несмотря на то, что открывалась она в коридор.

Тот, что слева, покрупнее, обошел стол, который находился у двери на балкон, где мальчик во всю пытался сорвать навесной замок размером с его маленький кулачок. Замок, который раньше мальчик никогда не замечал. Закрыв ладонью рот мальчику тот, что покрупнее, схватил и потащил его, ноги волоклись по полу, но кого это волновало? Никого. И где была эта старая калоша Катерина? Что удивительно — на мальчика накинули его куртку, застегнули. Крупный приволок юношу к сломанной двери, где их уже ожидал мистер слева со шприцом в правой руке.

— Чт… Что вколо-о-о-ль… — этот укол, увы, отключил мальчика. Проснулся он уже в машине.

— Куда вы меня везёте? Зачем убили папу? За-а-а-че-ем? — кричал мальчишка, пытаясь вырваться от двоих мужчин, сидевших по бокам, но увы, всё было бесполезно.

— Заклей ему рот! Пусть заткнется маленький идиот! — сказал своему напарнику сидевший слева от мальчика.

— Подержи его. Так, малыш, больно не будет. Вот так. — ответил сидевший справа.

— Что вы мне вкололи? Что это? Объясните мне. Сейчас объясните! — мальчик не хотел, чтоб его отпускали, он лишь хотел, чтобы ему объяснили, — за что вы со мной так? Что сделал мой отец? Он только учи-и-те… уч… учите… — и глаза мальчика заплыли пеленой. Мгновение — подбородок мальчика упал на грудь. Мгновение. Глаза окутала тьма.

Спустя около трех часа мальчик вновь проснулся. Городской пейзаж сменился лесным. «Похитили. Везут в лес. Чтобы убить» — мысли одолевавшие мальчика.

— Ты смотри-ка, рано проснулся, иди сюда дорогой. Вот так. Спи дальше. — сидевший справа вколол еще два укола.

Спустя пять часов мальчик проснулся от того, что его вытаскивали из машины. Он пытался вырваться из их рук, ведь он уже понимал, что это похищение, ему всего шесть, а он уже многое понимал. Достаточно умный, чтобы не любить ТВ и любить Булгакова, взрослый для того, чтобы получать хорошие оценки в первом классе и открывать дверь дамам. Достаточно взрослый для того, чтобы его вырвали из этого мира. В конце концов всех нас рано или поздно вырывают из этого мира, хотим мы того или нет. Иногда в восемнадцать лет, иногда позже, всегда до двадцати семи. Но по существу он ведь такой маленький. На улице темно и его куда-то тащили. Он чувствовал запах моря. Это, хоть и немного, но успокаивало его — все же лучше быть похищенным под такой приятный запах, чем быть похищенным под запах городской жизни. Он оборачивается. Машина не та. Её сменили. Вероятно, не хотели вызвать подозрение, но вытаскивать мальчика из одной машины и засовывать в другую… Это, конечно, подозрительно. Но и он всего лишь шестилетний мальчик, и это все лишь глупые детские догадки. Но действительно ли глупые?

Под руки его тащит все та же старая компания: мистер сидевший справа и мистер сидевший слева, мистер спи-мой-малыш и мистер плохиш. Ноги временами скребли сырые доски пирса. «Идиоты, похитили меня, так хоть несите нормально» — подумал мальчик. — «Света достаточно, чтобы это кто-то увидел. Но никого нет. Вообще. Что это за место? Около Москвы я моря точно не помню, около Одессы помню, но чтобы здесь…». Хотя где «здесь»? Он даже не знал, в какой стране находился. Все трое шли по пирсу, доски которого кошмаром отзывались в ушах мальчика. Его бросили в катер, что был пришвартован около коричневого домика с одним лишь окном, в котором виднелось пожилое лицо мужчины, сидящего за столом. Юноша крикнул что-то невнятное, но его никто не услышал, оба мистера не обратили внимания. Мальчик вдруг пожалел, что не удосужился почитать о катерах. Ох уж эта детская неосмотрительность, вдруг тебя похитят на катере, а ты о нем ничего не знаешь, у нас же каждый день такое, надо внимательней быть, вот беда.

— Так, больше никакого снотворного, а то он будет, как жижа, — сказал мистер сидевший справа своему напарнику уже находясь на палубе. — но не болтай при нем, ясно? — тот кивнул, — То-то же. — вместе тем мистер добрый заклеил рот кусочком липкой ленты, которую ему подал парень в желтом плаще, по всей видимости, хозяин катера.

Мотор только-только завели. Вскоре парнишка отключился своим сном.

Проснулся он вновь от того, что его потревожили оба мистера. Выволокли его на пирс с шумевшего катера. Мальчик не среагировал и упал на пирс лицом.

— Ты совсем? ЛЕХА. ТЫ ДЕБИЛ. Ты че, а? — закричал мистер справа — ОН же предупреждал: никаких ссадин. Ладно. Бери ег… — вдруг он услышал стук дерева, — Твою ж. Оба посмотрели вниз: на бревне, видимо след старого пирса, лежал мальчик.

— Оно же не острое, да? ДА? — запаниковал мистер слева. — Ладно, пойдем за ним.

Они прошли по пирсу, спустились на берег. Мистер слева закатал штаны и зашел в воду. И вдруг он подумал: «Холодно. Как же холодно. Не так холодная, как мой труп после встречи с НИМ, но всё же».

— Иди сюда, вот так. — к счастью все обошлось, мистер слева осмотрел, ощупал, вроде крови нет, да и ран тоже. Хотя мальчик был без сознания. Или ему так показалось.

«Как же болит голова, ох, а живот то как болит, надеюсь, ничего не отбил, — ворчало у мальчика в голове, — вот бы сейчас воды. Как же хотелось пить. Его вытащили на пирс.

Ноги опять скребли по пирсу, который тянулся метров двести, за это время можно многое обдумать, возможно, план побега, но мальчику не очень-то хотелось этого делать: его куда-то привезли по морю, до этого везли восемь часов на машине, в желудке урчало. Какой тут план побега? Все его мысли были о горячем душе, еде и сне. Спать почему-то зверски хотелось.

Его закинули в машину, никакого снотворного, мистеры слева и справа договорились, чтобы мальчик шел сам через мост. Где-то через полчаса машина остановилась. Судя по диалогу мистера водителя и охранника он решил, что это какой-то пропускной пункт. Мальчика опять вытащили из машины, но тот и не противился. Мальчика поставили на ноги. Впереди показался высокий освещенный мост длиной метров сто.

— Итак, гаврик, — наклонился к нему мистер справа, — иди по этому мосту прямо, прямо, прямо, медленно или быстро — без разницы, давай, а потом мы тебя накормим, помоем, — сказал мистер справа. — не бойся. Все хорош…

— Не люблю, когда мое имя так коверкают, мистер добрый, — заговорил мальчик. — очень не люблю.

— Что? Имя? Да это выражение такое. Ай, иди давай. — ответил мистер справа, и даже бровью не повел, что его назвали подобным образом. И они втроем двинулись.

Мальчик вдруг решил, что если они притронуться к нему на это мосту, то тотчас сгинут. Какие странные мысли. Мост был окружен клеткой. Парнишка оглянулся, двое «друзей» все также шли сзади, каждый со своей стороны. И тут он заметил, что кожаные куртки вдруг сменились пальто, обшарпанные «дедушкины» башмаки сменились туфлями. «Хмм, видимо я иду к какому-то уважаемому человеку, — подумал мальчик. — с мыслями воткнуть палец ему в глаз».

Как только они прошли мост, его завели один из домов, стоявших рядами на этой маленькой улочке, все почти одинаковые, дорога прямая до тех пор, пока горят фонари. Прихожая мальчику напомнила тетушку: все тот же запах и так же чисто. Хоть он и знал, что в каждом доме должно пахнуть чистотой и дышать чистотой, но его это удивило, что он, грязный, уставший, сейчас стоит в такой красивой и чистой прихожей. Кто бы мог подумать, что люди, которые похищают шестилетних гавриков сразу после школы, имеют такую хорошую квартиру, хоть снаружи все однообразно, однако это не отменяло чистоты.

— Пойдем, малыш, нужно помыться и переодеться, — присел на корточки перед мальчиком мистер справа. — не бойся, все будет хорошо. Мистер слева посмотрел, подождал, немного пошептался с напарником и вышел из дома. Теперь мальчик не увидит его одиннадцать лет. К счастью.

Мальчик не стал противиться, он был сломлен. Он ведь маленький мальчик. С вонючими штанами, потной рубашкой, порванным пиджаком и… и необычным умом. Его не заводили в ванную, он уже сам шел. Без всяких возражений, криков и вопросов. Очень уж хотелось помыться.

За все время, что он находился в доме, ничего не сказал, разве что один раз задал вопрос мистеру справа, который сидел на табуретке возле ванны.

— Вы ведь не из отрицательных персонажей, мистер добрый?

— Что? Нет, малыш, таких не бывает. У всех есть только мотив, вот и все. Это только моя работа — ответил тот. Мальчик на это ничего не сказал, лишь кивнул.

Через несколько минут мальчик помылся, встал под душ, «сполоснулся», как говорил его отец, хотя тетушка всегда говорила, что «сполоснуться» это значит покончить с собой. Вот такая тетка. Пока вода стекала мальчик мечтал утечь вместе с нею, пусть с грязью, будучи вонючей, но уйти. Потом вспомнил, куда эта вода утекает и передумал, ведь здесь, по крайней мере, тепло и чисто, а в канализации… Мальчик насухо вытерся. «Какое больше полотенце» — подумал он. Удивительно большое, даже для взрослого. Мистер страж подал ему халат, и мальчик также беспристрастно и спокойно надел его, как будто находился у тетушки. Все-таки доброе слово может успокоить. Даже в такой ситуации. Даже шестилетнего мальчика.

— Так, вот сюда, направо, иди, иди. Налево. Заходи. — вел по коридору в комнату мистер слева. — Садись, поешь. — На столе стояли тарелка плова, стакан молока, немного хлеба и яблоко. Мальчик принялся за еду. Мистер слева все это время сидел напротив и наблюдал за ним. Но удивительно добрыми глазами. «Маньяк-добряк по имени …Бред какой-то» — пришло в голову мальчику.

— Обычно я не сообщаю свое имя таким, как ты… но вижу, мы подружились.

— Ага, как же, педофил доморощенный. Остальным ты так же говоришь? — но вслух не сказал, все в голове, ему казалось так будет безопасней.

— Меня зовут Яков, а ты наверное Гавриил, раз не любишь «гавриков»? — но мальчик в ответ на это только кивнул, затем снял вооброжаемую шляпу, — что ж, и мне приятно познакомиться. Ты ешь, ешь.

После трапезы Мистер-добрый-Яков отвел Гавриила в какую-то спальну, которая была в том же убранстве, что и у богатеньких мальчиков в этих средненьких фильмах, но комнаты там были хорошими… в отличие от сюжета.

— Ложись спать, малыш. Постарайся уж уснуть, я буду спать вот здесь, на диванчике, — он ткнул пальцем влево от кровати, — мы же хорошие мальчики, да? Никуда сбегать не будем и даже не будем пытаться? Потому что мой друг, ты его знаешь, приведет собаку в коридор, если надо будет в таулет, то разбудишь меня. Понятно? — мальчик кивнул, — отлично. Вот, сними халат и надень пижаму, малыш, в халатах спать не принято, ты же взрослый мальчик и должен это знать? — мальчик опять кивнул все с тем же беспристрастным лицом.

Что Гавриилу показалось странным, так это то, что мистер справа лег первым и уснул первым. Мальчик попытался уснуть. Сон не шел. Еще бы. Шли воспоминания. Об отце, о сестренке Майе, о той девчонке, с которой сидел за партой только два месяца и которой открывал дверь, пропуская первой ее и только ее, даже если впереди нее шел кто-то из взрослых. Александра. Маленькая милашка Саша. Мальчик быстро развивался умственно и физически, поэтому подростковая любовь начала одолевать его очень рано. Он не бил ее портфелем, не дергал за косички, не обзывал «дурочкой» и тому подобными мальчишескими «комплиментами. Он носил ее портфель, открывал ей дверь, рвал цветочки, дарил ей. Смышленый малый. Жаль, что его похитили. Мистер слева и мистер Яков явно не разделяли его планов. За воспоминаниями постучались слезы, но только недолго и рванулись тут же. Мальчик плакал почти полчаса. Потом его сморило, все-таки подобные приключения изматывают, уходят силы. Уходит и инстинкт самосохранения и ты уже не можешь дать отпор, потому что ты маленький беззащитный мальчик… Но такой ли беззащитный как может показаться на первый взгляд?

— Просыпайся, малыш, пора на встречу, — ну что за ужасное создание смеет будить малыша, а, это же мистер добрый, — Пойдем, сходишь в туалет, потом поешь, — мальчик начал было открывать дверь, как тут же передумал и посмотрел щенячьими глазами на мистера справа, и тот его убедил, — ты чего, собаки там нет, пойдем, пойдем. — и он пошел.

Спустя несколько минут он сидел за столом: пижама на теле, грусть в голове, еда на столе. «В общем-то жить можно» — подумал Гавриил. После завтрака мистер Яков повел мальчика в комнату (ну что за ужасное создание таскает туда-сюда малыша, а, это же мистер добрый, который похитил мальчика), достал из шкафа костюм, как оказалось идеально подходящий

мальчику: темно-синие пиджак и штаны, бордовая жилетка и никакого галстука; «Хоть какой-то плюс в похищении» — подумал мальчик; также мистер страж достал туфли идеального размера для шестилетнего мальчика. Надо ли говорить, что и причесал он его как надо? Не причесал, а прилизал. «Боже, как же противно. Почему нельзя было похитить и сразу убить? Господи, ты такой жестокий» — не очень-то позитивные мысли посещали Гавриила.

— Вот так, и дерьмом не воняешь, подожди, один штрих. — тут он достал маленький флакончик из кармана пиджака — духи, которыми мальчик терпеть не мог. Чего-чего, но духи — это не по его вкусу. Для Гавриила духи были такими же невыносимыми, как котлетка, болтающаяся под мошонкой и обдающая явно не благовонием первоклашку.

— Вот. Как-будто и принц Элдьский. — произнес шепотом мистер добрый Яков, поправляя воротник пиджака юноше.

Мальчику не было известно, кто такой принц Эльдский. Все, что он знал, так это, что отца больше нет, домой не вернуться и что, скорее всего, долго жить ему не придется, так что можно и потерпеть эти противные духи. Но он ошибался. К счастью.

2

Мистер Яков вывел мальчика из дома, на подъездной дорожке которого стоял автомобиль. Дверь мальчику открыл водитель: белые перчатки, черный смокинг. «Да что тут творится» — пришло в голову Гавриилу.

Они ехали около двадцати минут. Стекло дверцы было опущено. Мальчик наблюдал за красивейшим пейзажем, который и видел только на фотографиях да в фильмах: горы, горная дорога, ни одного камешка на обочине, на горизонте были видны синеватые леса, обширные поля зелени, где-то виднелся пасущийся скот, маленькие лачужки, видимо, лачужки пастухов, все идеально чисто, особенно река, которая встретилась уже на подъезде к высокому серому зданию. Здание окружали сотни арочных амбаров, не меньше было и, как само здание, серых гаражей, несколько амбаров, вся территория окружена клеткой высотой в десять метров, также на уровне глаз находились, в расстоянии друга от друга, желтые ромбовидные таблички, украшенные красным орнаментом, такого же цвета молнией и надписью «Высокое напряжение».

Здесь опять же расположился контрольный пункт аля «покажите документы но в общем то нам это не надо». Водитель поговорил с охранником, что-то ему подал, тот посмотрел, вернул обратно, после чего махнул рукой, повернув голову влево. Ворота открылись, и машина тронулась дальше по серой дорожке. «Здесь почти так же, как дома, только у папы нет такого дурацкого пальто, как у этого мистера» — говорил про себя мальчик.

Водитель остановил автомобиль у подъезда так, что мальчик мог выйти прямо к дверям. Совсем, как принц Эльдский, неизвестный Гавриилу. Дверь также открыл водитель, входную дверь открыл мистер добрый. Мальчик вошел и увидил что-то похожее на вестибюль. «Здравствуйте, мы регистрируем похищенным мальчиков» — сказал себе Гавр.

— Здравствуй, Катрин, ОН уже на месте? — обратился мистер добрый к девушке за стойкой.

— Да. Все готово, — ответила ему девушка. — Господи, он такой милаш, ну не душка ли?

— Вы тоже были бы душкой, если бы помогли мне избавиться от всех этих добрых людей и добраться домой, — вставил мальчик. — Но вы все равно мне нравитесь.

И немудрено: Гавриилу очень нравились комплименты. Такой маленький, а уже тщеславный и самовлюбленный. Но это не точно.

Вся суета говорила о том, что здесь работа просто кипит. То ли офис, то ли отель, то ли больница, как много «мистеров-костюмов» встретил в тот день мальчик. В одном месте!

Мистер Яков проводил мальчика к третьему из всех лифтов, что находились напротив стойки… или бара, ведь на стене позади Катрин находились и полки-шкафы с бутылками, и то был явно не лимонад. Мистер добрый нажал одну из двух располагавшихся кнопок на панели справа от двери лифта. Лифт позволил войти. Мистер добрый нажал кнопку с изображенной на ней стрелкой «вверх» и лифт тронулся. Соответственно вверх. Мальчику это не нравилось, ведь он очень не любил лифты, старался всячески их избегать, а все потому что его тошнило в таких поездках. Спустя некоторое время лифт остановился. Распахнулись двери, и пара вошла в квадратный коридор, площадью, по виду, не превышающую четырех метров. Мистер добрый подошел к двери, нажал кнопку «вызову», сказал, что мальчик прибыл. Что-то прозвенело, затем мистер открыл дверь, сначала пропустил Гавриила, потом и сам вошел. На диванчике, возле окна, сидел здоровый мужчина и пытался налить воды из кулера, которой было совсем на донышке.

— Яков, добрый день. Он уже ждет. — поприветствовал коллегу охранник дивана.

— Ага, умник. — будто Яков и сам этого не знал. Так что даже не удосужил охранника взглядом. Последний был явно расдосадован этим, да еще и проклятая вода кончилась!

Мистер добрый и мальчик прошли метров двадцать и повернули направо. Мальчик сначала поупирался, но Яков дал тому насладиться видом из окна, от которого Гавриил не отрывал глаз: горы, горы, снег на них и море позади. «О, мама, о, отец, что же будет впереди?» — подумал мальчик.

— Красиво, знаю, но нам действительно пора идти. И когда мы зайдем, то уже не получится быть таким доброжелательным, ОН не любит, когда мы пользуемся непрофессиональным языком. Очень не любит.

— А меня не убьют? — спросил мистера доброго мальчик.

— Нет. Не убьют. Это точно. — ответил тот.

3

В полутьме, когда еще самые молодые петухи и не думали вставать (хотя вряд ли таковые здесь есть), когда блудливые подростки только-только возвращаются домой, чтобы разочаровать родителей своим непристойным видом, проснулся пожилой мужчина. Худощавый старик, согнувшись в сломанный бублик, сидел и дрожал всем телом, хватаясь за сердце правой рукой и ртом за воздух. Ему было страшно, он боялся смерти, внезапной — среди ночи в одиночестве. Труднее всего было закрыть глаза. Мгновение — онемели ноги, мгновение — похолодели руки, затем онемели. «Нужно лишь сосредоточиться. Собрать волю в кулак» — говорил шепотом силуэт. Ему все-таки удалось закрыть глаза.

Он представил себя маленьким, когда, спеша по грязной глинистой дороге, бежал домой. Рядом трусила большая собака.

— Давай, Мали, — задыхаясь кричал мальчик, — давай, догоняй. Хоп… — мальчик расстелился звездой лицом в грязь. Слышалось хныканье. Он поднял лицо, посмотрел на отца, сидящего на крыльце и, смеясь, кричал — Мали, так не честно! Папа, ты видел… — мальчик встал на колени, затем поднялся на ноги, он был грязным с головы до пят — хорошо, что мама не видит, — папа видел, что ты толкнул меня, Мали!

Обычный ребенок, может бы и не заплакал, но побоялся бы что-либо говорить в такой ситуации отцу — ведь каждый мальчик знал: ему сейчас влетит. Однако, у этого грязного мальчика был особенный отец — он не ругал его за грязную одежду или вдруг порванную обувь, если ребенку было весело. Этот отец знал, как развеселить сына: необычно, не эстетично, но со слезами от смеха. Он не боялся, что ребенок вырастет неряхой, не боялся, что ребенок заболеет. Потому что знал, что ребенок делал это, чтобы почувствовать жизнь, ведь это веселье никому не мешало. Потому что знал, что ребенок не заболеет, не потому что это был особенный ребенок (он таким не был), а потому что отец был особенным и мог вылечить от любых болезней.

Отец встал, сделал хмурую гримасу, оскалил зубы. И засмеялся во весь живот…

Худощавый силуэт уже не трясло. Руки и ноги вновь обрели чувствительность. Легкие уже не работали на пределе своих возможностей. Мужчина пребывал в спокойствии… и в поту. Встал с кровати и пошел к телефону, покрутил несколько раз кольцо. Секунда. Две. Три.

— Виктория! Добрых дней тебе. У меня был приступ. — нарушил тишину мягкий мужской голос, услышав который любой бы дал этому человек не больше тридцати.

— Никол… Аркадий Ст… — сонный голос то и дело прерывали зевания, — Подождите секунду, не отключайтесь, — девушка (судя по голосу молодая) на том конце провода положила трубку на стол. Через десять секунд снова поднесла к уху и продолжила. — Здравствуйте. Я же говорила, что нужно ее везти сюда. Говорила!

— Не кричи! Она еще маленькая…

— Она особенная, вы же знаете. Даже среди особенных. Вам нечего боятся. — женский голос стал более грубым и утвердительным.

— Ладно. Это не может ждать до утра. Поднимай этих двоих и пошли ко мне. — девушке даже не нужно было объяснять, кого именно будить, ведь она и так знала. Ведь эта парочка была самая контрастная — грубый и молчаливый Алексей и галантный и обходительный Яков. Что может быть контрастнее?

Спустя полчаса трое мужчин сидели за столом в гостиной. Самый старший — с высохшим лицом, седыми волосами, зачесанными назад и вертикальным шрамом во всю грудную клетку — объяснял в который раз, что и как нужно делать. Парочка расположилась друг против друга по обеим сторонам от старшего.

— Вам все понятно? — говорил мягкий голос парочке. — и никаких жертв. Я обещал ему, что они останутся живыми, а обещания я…

— … Сдерживаете. Знаю, и он тоже… знает, — оборвал его другой мягкий голос. Яков.

— Ага. И нож ты возьмешь… — обратился старший мужчина к тому, кто сидел слева.

— Калли. Нож Калли, я все помню, вы же знаете. — ответил грубый голос.

— Да… да — сидящий во главе стола, — никаких убийств. Никаких. И они это в точности выполнили.

Двое встали и, попрощавшись, вышли. Спустя пять минут левый нарушил молчание.

— Он совсем стал плох. Никаких убийств. Вот ему уже стало жалко людей.

— Замолчи. Ему не жалко людей. Он их любит, а это совсем разные вещи, идиот. — спокойным тоном ответил правый — Люди в приближающийся час смерти становятся такими добрыми… Такими умиротворенными, тебе этого не понять. Ты же тупой. — левый ничего на это не ответил. Сразу стало ясно, кто из них двоих командует парадом.

Открыли задние дверцы, каждый — со своей стороны, и сели. Автомобиль тронулся…

4

На шестилетнего мальчика кабинет произвел невероятное впечатление: белая вагонка облепила стены до уровня лопаток мужчины, выпуклый золотистый узор облепил вагонку, остальную часть стен продолжили бежевые обои, ближе к окнам, напротив мальчика стоял серый стол с черным креслом, на котором, к удивлению мальчика, было пусто, слева от стола расположился камин, но едва ли он служил источником тепла, напротив камина скучали по своим хозяевам два кресла, одно из них было повернуто к мальчику передом. Тут мальчик бросил взгляд направо, услышав звуки «чик-чик-чик», удивился: таких больших часов он никогда не видел, разве что на кремле, но те висят, а не стоят. Так что остальная мебель его и не заинтересовала. Мистер добрый наклонился к его уху.

— Не стесняйся, но будь уважительнее, не тряси голос. — прошептал тот.

Мальчик кивнул, мгновение смотрел на мужчину, наблюдавшего в окно за жизнью своего маленького городка.

— Здравствуйте! — сказал и сглотнул слюну, видимо начал стесняться.

— Здравствуй, Гавриил, — мужчина даже не повернулся к нему лицом, но руки сцепленные в замок за спиной разжал, — Не бойся, мы не кусаем. Мы же не Мали, верно? — мальчик вздрогнул. — Чего ты дрожишь? Или ты видишь здесь собак?

— Я же не издал ни звука. Как вы? — мальчик любопытным тоном спросил у мужчины.

Мужчина повернулся на 180 градусов, поднес кисть к виску и постучал указательным пальцем, — Неужели ты думаешь, что ты один такой? — спросил он у мальчика.

— Нет, я чувствую, что не один. Но зачем вы украли меня. Что вам сделал папа? Если нужен был я, так взяли бы меня по дороге в школу… или из школы, или из магазина… -мальчик стал понемногу закипать.

— Тише. Нельзя так. Невозможно. Позже узнаешь, почему… но это не точно. — ответил мужчина, мальчик кивнул, — Я же не представился, какое невежество. Николай, к твоим услугам. Только пирожные меня таскать не заставляй.

— Вы старый папин друг? Тот са-амый, из-за которого у него начались проблемы? Это все ваша вина! — грозным голосом вымолвил Гавриил.

— Он тебе рассказывал? Хм, странно, однако. — удивился мужчина и с этим аккуратно сел в кресло за стол.

— Нет, он — нет. Это говорила моя сестра. Она вас помнит, до сих пор! И НЕНАВИДИТ! — мальчик уже кипел от злости, — а людям, которых Майя не может терпеть, живется трудно. — последнюю фразу он сказал уже спокойным голосом, будто сообщал время прохожему.

— Ма-а-айя! Малышка Майя! Ну конечно же — ответил Николай.

— Ее так смеет называть только папа — в голосе опять слышались ноты злости.

— Ага. Яков, ты свободен, нам надо вспомнить старое, былое, древнее с этим молодым человеком. — приказал он мистеру доброму.

— Нет. Стой! — обернулся и прошептал мальчик, — не оставляй меня с ним! Пожалуйста. — но все было тщетно, Яков вышел.

— Этот человек украл у тебя твою жизнь, твоего отца, а теперь ты цепляешься за него? — воскликнул Николай. — Надо же какая милость. Неужели я так пугаю?

— Я ничего не боюсь, — тут мальчик, конечно же солгал, но мальчики — на то и мальчики, чтобы не показывать свои страхи. — и тем более тебя, трусливый подонок!

— Никто не смеет со мной так разговаривать, малыш, а те, кто осмелился приказали долго жить. — пригрозил мужчина. — Ну ладно. Первый раз прощаю. Первый раз всегда прощают. Особенно девушки… ну ты поймешь, когда вырастешь, хотя…

— Меня не волнует ваше положение и ваш чин, поскольку для меня вы — человек, который разрушил нашу жизнь, которого ненавидит Майя. Всегда клянет вас на могиле мамы! Вас! — казалось, что вот-вот прольется дождь из глаз мальчика.

— Как твоя нога? Не хромаешь, а? Мали сильный, даже очень, — мальчик опять вздрогнул и прищурил глаза, Николай продолжил. — Что? Откуда я знаю? Нет, ну ты даже не представляешь! По-твоему сколько лет этому псу?

— Было. — улыбнулся мальчик.

— Ч-что? ЧТО? — казалось, глаза мужчины выкатятся из орбит.

— Он умер, — мальчику сразу полегчало, — после того, как меня укусил. Папа настаивал на усыплении, но я отказался. Я чувствовал, что пес умирает. Я не хотел, чтоб он умер быстро. — в шестилетнем мальчике было злорадства больше, чем песка в пустыне. — А, и лет! Не знаю, честно, он был уже взрослым, когда я родился.

— Так значит… не важно, он все равно был стар.

— Так значит вы его любили. Значит вы и подарили пса папе.

— А ты умница. Может расскажешь, зачем тебя сюда привезли. Ну? — мужчина ухмыльнулся.

— Не знаю. Наверное, взять у меня то, чего у вас нет.

— У нас есть. Просто нужен еще один шестилетний мальчик.

— У вас нет. — мальчик твердо стоял на своем.

В этом здании он чувствовал множество людей таких, как он. Но все же они отличались от него. Он думал, что он особенный даже среди особенных. Не удивительно, все одаренные дети чувствуют себя вундеркиндами вундеркиндов.

— Нет и все тут, — продолжил Гавр. — вы завели орла в курятник.

— Хм, как смело сказано, смотри, чтобы гильотиной эти слова не отрезало от твоего дурного характера, молодой человек. — каждый раз, когда он говорил «человек», то хмурил нос и приподнимал левый край губы.

— Отделить одно от другого. Я не из этих! Но вы, конечно, уже в курсе. — уверенно сказал мальчик.

— Чудо-ребенок, нет. Чудо, а не ребенок! Вот мы и подошли к цели нашей встречи, мой маленький дружок! — прокричал Николай словно клоун на ярмарке.

— Успокойся ты, — обращался Гавриил к собеседнику, как к бомжу, который разорался под окнами. Вот уж уважение ко взрослым.

— Твой змеиный язык для меня не ядовит и отнюдь, я уже предупреж…

— Да, предупреждал, предупредишь и во второй раз. — продолжил все с тем же тоном мальчик.

— Ладно. У тебя был шанс узнать о себе много интересного. Ты его упустил. — мужчина нажал кнопку на телефоне внутренней связи, — Катрин, — сказал он. — Пусть Яков зайдет ко мне.

— Хорошо. — ответил женский голос. Ни по имени и отчеству, ни каких тебе «сэр», «господин», «босс», лишь «хорошо».

— Я думаю, ты не часто бывал в больницах на обследованиях, где всюду суют свои белые перчатки… Сегодня ты с этим познакомишься, мой друг, — продолжил мужчина. — Мали было 92. Вижу, ты не удивлен, хотя так и должно быть… вроде бы. Когда одна цивилизация близится к закату и собирает свои империи в ящик, то приходим мы. Все время кто-то приходит. Такие, как ты, нужны нам, мы новый мир построим! — громкие слова, да, но мальчику было понятно, что это ложь: для чего он им нужен — неизвестно, но уж точно не для того, чтобы «новый мир строить», очень уж наивно это звучит. Даже для первоклассника. — Прощай, Гавриил, в ближайшем будущем встречи не жди. Но клянусь, мы еще увидимся.

— Увидимся. И тогда моя нога будет стоять на твоем горле — сказал мальчик про себя.

Раздался телефонный звонок: «Можно войти?!» — сказал мягкий и знакомый Гавриилу голос. Николай разрешил.

5

Мистер добрый и Гавр спустились вниз, у этого лифта было только две остановки — внизу и вверху. Повернули к среднему лифту, здесь было кнопок больше, гораздо больше. Они поднялись на четвертый этаж. «Вау, это наша больница, только все чище и штукатурка не обваливается» — сказал себе мальчик. Когда отлучаешься от дома, особенно, когда тебя насильно отлучают, то видишь в незнакомых вещах и людях свое — это невозможность принять, что назад не вернуть ничего. Ты не дома, хоть и цепляешься за любой запах и людей, нет, все тщетно. Вот и «больница» не была похожа на ту, в которую они ходили, когда Мали сделал свое дело, где тетушка всегда им оказывала теплый прием.

По правую сторону, чуть дальше правого коридора, расположился пост сестры, похожий на барную стойку. «Да здесь всюду пьют! Что за дела! Даже на полке бутылки… А, кажется нет» — подумал мальчик. В противоположную сторону от лифта в глубь здания упирался еще один коридор с множеством дверей и толпящимися людьми в халатах, рубашках и пиджаках. Всюду пахло хвоей. Н хлоркой, как это обычно бывает. Но мальчик этого не заметил, он был очарован теплым уютом дома, который и на уют то не тянул: больница, врачи, люди. Это что, уют? Но это всего лишь напоминание о доме. Мистер добрый со своим спутником направились к стойке. За стойкой стояла ухоженная женщина лет сорока, хотя времена нынче такие, что с возрастом легко ошибиться. Волосы закрывали уши и до плеч свисали черными кудрями, в ее глазах казалось, можно утонуть, мальчик подумал, что ее глаза копия его глаз. Неужели… Нет, это всего лишь глаза. Сколько людей ходят с голубыми глазами по Земле? Ладно, а у скольких есть золотистый отблеск? Но ни Яков, ни кто бы то другой не видели золотистой каемки, которая окружала каемку, ее видел только мальчик. Такую же каемку он видел и в зеркале, хоть отец всегда и говорил, что ничего там такого нет, но родители приняли уж так: что-то необычное нужно скрывать от ребенка. Необычное и… пугающее.

— Здравствуйте, как ваш день? Ничего себе не сломали? — у ухмылкой поинтересовался Яков.

— Утречко. Перестань злиться. И не при них же! — она кивнула на мальчика.

— Кто злится? Короче, дай карту и делай дальше свои дела. — попросил обходительный мужчина.

— Эй, а почему она в домашнем халате? — шепотом спросил мальчик. Яков улыбнулся.

— Ну, потому что здесь ее дом. — ответил тот.

— Тогда почему по ее дому шляется добрая сотня человек и мальчик, который выглядит так, будто на вручение Ордена к королеве собирается, а? — тем же тоном продолжил Гавр.

— Я тоже говорил, что костюм слишком… слишком уж хорош. Не люблю такие. Но Он не любит плохо одетых людей. Особенно у себя дома. — задумался мистер добрый.

— Эх, клизмы, уколы, брать кровь из вены… — мечтательным голосом говорил мальчик.

— Тебе ставили клизму? — спросил собеседник.

— Нет, это я так. Тетушка постоянно жаловалась. Она всегда… — мальчик запнулся. — без откровений обойдемся. Яков улыбнулся и кивнул. — Подожди, какую карточку, я же тут только… Аа. Ну ясно. Богодельня мне тоже.

— Так. Вот она. Стаханцев Гавриил Михайлович. Воитель, сын укротителя. — женщина подала карточку Якову.

— О чем это она? — спросил мальчик.

— Гавриил значит «воитель», а архангел Михаил… — начал мистер добрый.

— А, ясно, можешь не продолжать. — оборвал его тот.

— Так, сначала общее обследование, анализы, вся эта белиберда. — завозмущался Яков. Они уже пошли в коридор слева от стойки. — Никогда не понимал, зачем у вас брать анализы, можно подумать, вы можете болеть.

— Хм, а может они хотят нас клонировать. Ну… ну чтобы не похищать. — озарило мальчика. Яков хохотнул.

— Нет, малыш, мы до этого не добрались. Я, по крайней мере, точно здесь этого не видел. А бывал я тут в каждом уголке, уж поверь мне. — Мальчик искоса посмотрел на него… вверх. С этим Яков открыл одну из дверей.

— Привет, до-о-ок. Как дела? — поздоровался с мужчиной в белом халате мистер добрый. — Вот, делай свою работу, мы пока посидим… тут. — подал он врачу карточку.

— Ага. — больше док ничего из себя не выдавил. Какой разговорчивый, однако.

— У вас такой контраст, — заметил мальчик. — болтуны и молчуны, грубияны и… и ты. Милое, однако, местечко. — обращался он к Якову.

— Это пока что мило, мальчик мой. — прогремел голос дока. — Скоро ты пожалеешь, что…

— Так, док, заткнись! — оборвал его Яков. Мальчик наклонил голову, снял воображаемую шляпу, аля «Благодарю вас, мессир», мистер добрый закрыл глаза и наклонил голову: «Всегда к вашим услугам, мсье». Мальчику Яков нравился, он как старший брат. Только Кеша был полным придурком, как говорил отец.

— «Кто это у нас на скрипке играет? Кто это у нас пой-йо-от? Это наш маленький гаврик!» — издевался он над младшим братом. Иннокентий никогда не жаловал искусство, очень уж тонко для такого толстолобого непробиваемого идиота. Зато он любил прагматичность. И оттого всегда хвалил за успехи. — « Ух ты! Пошел! Надо же. Так, правильно, правильно, эту букву сюда, какой молодчинка. Собака наконец-то слушается малыша! Нечто. Больше не ходит в песочницу (мальчик), это потрясающе. Пошел в школу — здорово!» — На этом Кеше больше не довелось порадоваться успехами брата. Или все-таки довелось?

Док не стал осматривать мальчика, даже не бросил на него взгляд. Осмотрел его другой док. В другом кабинете. Мальчику пришлось раздеться.

— И трусы тоже. — приказал усатый добрый доктор. У мальчика было заведено, что нужно сразу определять добрых и злых, плохих и хороших, пожалуй, в большинстве случаев он не ошибался.

Док ощупал, казалось, каждый сантиметр молодого тела. « Вот же сранный педофил“ — подумал Гавр. Потом приказал мальчику надеть трусы и сесть на железный белый стул в сетку. Можно подумать трусы спасут от этого ледяного трона. Тут мальчику и вправду показалось, что он дома. Та же больница, те же грубые врачи, те же холодные стулья. Док взял молоточек, постучал там, постучал здесь, одно колено, другое. Затем приказал закрыть мальчику глаза, он это сделал. Мгновение. Гавр слышит, как молоточек касается подноса, в воздухе витает запах пота. Пота врача и хвои. Здесь всюду пахло хвоей. „У них что, нет другого освежителя? — задал себя вопрос мальчик. — Видимо, рядом завод по производст…». Мальчик закипел. Заорал, открыл глаза и посмотрел на дока стоящего на коленях, за один конец скальпеля держался он, а за другой — коленная чашечка мальчика. Якова в кабинете не было, он остался сидеть среди шумной толпы и кипящей работы в коридоре.

— Чт… Что это? Что ты делаешь, придурок? — орал мальчик.

— Тщ-щ.- успокоил его доктор и вместе с тем вытащил скальпель из ноги.

Мальчик истомно дышал, потом вспомнил, что нужно делать в таких ситуациях. Он закрыл глаза.

«Кати, моя маленькая Кати, ты опять объела цветочек. Ай-я-яй, нехорошая киса. Очень плохая, — сказал мальчик. Он сел на стул, на круглом столе, устланном голубой скатертью с золотистым орнаментом, стоял белый горшок с цветами. Мама бы никогда не разрешила ста-

вить цветы на стол. Ну, так говорила Майя, а Майю надо слушать! Гавриил скрестил руки на столе, положил на них голову, и стал мечтательно смотреть на цветок. Кати сидела рядом на стуле и все мешала наслаждаться мальчику этой прелестью. Прелестью с обкусанными цветками. Десять секунд. Цветки высохли и упали на стол. Десять секунд. Цветки выросли. И мальчик все с той же улыбкой смотрел на цветок, потом бросил взгляд на Кати, постучал пальцем по столу, — Ай-я-яй, дурная киса, нельзя так. Нельзя! — мальчик любил всех учить, поучать, и не важно, кто ты — кошка или человек. Уроки Гавриила помнили все!».

— Надо же. Николай возрадуется! — повеселел добрый док. — а ты же знал, что ты необычный, а, малыш? — и подмигнул ему.

— Нет, ну точно педофил. — ответил себе мальчик.

— Чего же ты молчишь? Не больно, а? А? — радовался док.

— Не больно. — Гавриил сказал вслух, смотря в стену, потом повернул голову на дока. — Но если еще раз такое сделаешь, этот нож будет торчать из твоего уха. Док замахнулся, чтобы дать оплеуху. Но не тут то было. Мальчик схватил его руку. Затем правой рукой схватил его кисть и сдавил. Удивительно, как злость и боль превращает первоклассника в монстра.

— Ах ты маленький убл… — взревел док. — Ладно, не будем ссориться. Я сейчас кое-что напишу в твоей карте и ты спокойно отсюда уйдешь. Идет, малыш? — мальчик кивнул на это. Теперь золотую кайму видел даже этот твердолобый доктор. Но вскоре она исчезла. По крайней мере, для глаз дока.

Мальчик вышел из кабинета, слева от двери сидел Яков и пил кофе.

— Вижу, вы подружились. — улыбаясь сказал мистер добрый, — Ты ему ничего не сломал? Если нет, то иди обратно и сломай, — мужчина хохотнул. — по большей части здесь все такие. Вы для них цирковые уродцы.

— Но не для тебя, ты мне кажешься добрым, вообще странно, что ты здесь… работаешь, — заметил мальчик. — хотя не странно.

— Я тебя слушаю. — оборвал его мужчина.

— Нужен кто-то, кто всегда успокоит, кто покажется капелькой меда в бочке дегтя. — сделал вывод Гавр.

— Раз ты достаточно взрослый, чтобы понимать это, то должен понимать, что работа постепенно становится частью души. — мечтательно, глядя в потолок, сказал Яков.

— Достаточно умный, а не взрослый, это не одно и то же. Не хочу об этом думать. Если ты мое успокоительное, то я не хочу крошить тебя и класть под микроскоп. Главное, что это действует.

— А ты мне нравишься. Ковырнуть там, не трогать здесь, там приподнять. Ох уж эта завеса неясностей, страстей и мук. — все с тем же мечтательным взглядом говорил мистер добрый. — Как ты думаешь, скольким мальчиками он делал надрезы? Ответ: немногим. Но это останется нашей тайной, малыш.

— Надрезы? Он проткнул мне колено! Этот алкаш вогнал под чашечку свой нож. — воскликнул мальчик, толпящийся народ вокруг него вдруг на мгновение обернулся, потом пошел своим ходом.

— О как! Ох уж этот старый пень, — удивился Яков. — обычно он делает надрез по коленной чашечкой, чтобы проверить… Вообще-то мы только однажды ошиблись.

— Мгм. Понятно. — мальчика это не заинтересовало. А зря.

— Теперь тебе к кардиологу, мой старый рассыпающийся пень, — ему показалось, что это смешно.

— Ха-ха, очень смешно, мое сердце будет биться после того, как падет последняя империя. — ответил мальчик.

— Только не в твоем теле, малыш. — подумал Яков.

— Ве, что это за спрэй? Такой липкий. — возмущенно вымолвил мальчик. Одеваться и раздеваться. Это раздражало мальчика, особенно делать это, чтобы дойти от одного кабинета к другому. Но разве приличный человек не одевается, чтобы вынести мусор?

— Не волнуйся, это не надолго. — успокоил его грубоватый женский голос. Это была одна из немногих толстых женщин, что Гавр видел в этом здании, сейчас и потом. Однако от нее шло такое тепло… Мальчик кивнул. Спустя пару минут он вышел. Необъятная женщина позвонила.

— Виктория. Привет. Все сходится. Мальчик тот. Но ему нужно подрасти. А что с Алисой, так…

— Все понятно. Алиса — не твоя забота. — ответил голос из трубки. Необъятная женщина положила трубку на рычаг. И всхлипнула. Алиса была такой красивой и нежной, такой умиротворенной. Всем нравилась, хотя им запрещено привязываться к детям. Но Алиса! Алису любил даже Николай. Но теперь ее нет. Ее тело прахом развеяно по ветру, а единственное, что осталось от нее находится внутри одного высокого седого мужчины, ненавистного к своему отцу. Ее сердце.

Мистер добрый со своим спутником уже куда-то шли.

— Вы забрали меня, чтобы я прошел диспансеризацию? — пошутил мальчик.

— Прости, у меня нет ответной шутки на это, малыш. — виновным голосом ответил Яков, — В общем, еще пара кабинетов и все кончится, — мальчик бросил испуганный взгляд на мужчину. — Да чего ты? Я об этом этаже, мне он тоже не нравится, эта хвоя и тоска в воздухе. — Но тоска, витающая в воздухе здесь, не шла ни в какое сравнение с тем, что ждало мальчика.

6

Парой кабинетов они, конечно же, не обошлись, и к четырем часам пополудни мальчика выжали, как могли: морально и физически. Вроде бы его ничего не пугало, но тут он увидел бледного мальчика, одетого в какую-то рясу по колено белого цвета. Светлые волосы, зеленые глаза… И радужки с золотистой каймой. Гавриил и раньше наблюдал, как угасает жизнь, но то были животные и обычные люди, а этот казался таким родным и близким, хоть мальчик его совсем и не знал. Наверняка такой же, как и он сам, глаза не врут.

— Ну все, малыш, — порадовал Яков мальчика. — теперь ты «заселишься» на седьмой этаж, там много новичков, ну и не совсем новичков… В общем все они сравнительно недавно здесь.

— Сегодня я впервые увидел такого же, как я. Это так удивительно… и печально, — голос мальчика задрожал. — ведь он умирает, я вижу! Я всегда это знаю. Я вижу, что ты действительно добрый. Я вижу… ты надеешься на встречу в будущем. Теплую, дружескую встречу. Хоть и знакомы то мы…

— Малыш, это моя работа, и мы с тобой в ближайшем будущем вряд ли еще увидимся. После того, как я провожу тебя до палаты… До комнаты, да. Это больше напоминает уютную детскую комнату. Как в летнем лагере. Понимаешь? — успокоил мистер добрый мальчика.

— Не понимаю. Никогда там не был. И теперь уже… не буду — ответил мальчик, слезами налились его глаза.

Они вернулись в тот же лифт (на этом этаже была единственный лифт), поднялись на седьмой этаж, Яков достал какую-то пластиковую карточку, показал ее охраннику на входе, тот открыл дверь в коридорчике между лифтом и этажом-диспансером (если это так можно было назвать, ведь мальчики отнюдь не были больны), проводил мальчика к стойке-посту медсестры, отдал женщине карту мальчика, та почитала, положила перед собой, затем позвонила.

Яков предложил сесть на диван, который расположился слева от стойки, мальчик согласился.

— Ну вот и все, мы разлучаемся, хоть провели вместе мало времени… — начал Яков.

— Не надо вот этого. Ты похититель. Есть плохие работы… ээ, профессии, а есть хорошие, угадай, к какой относится твоя. — прервал его мальчик, — но все же я не хочу расставаться, у тебя добрая душа, просто тебе выпала такая судь… Так, значит ты просто обязан! — осенило Гавра. — Нет же, ты же просто вынужден выполнять свою работу, вот и все. Кто-то из них тебе родственник, да? Это ведь наследственное? Верно? Можно же освободиться, ну ж…

— Успокойся малыш, от этого не освободишься, теперь уже никак, — разочаровал мальчика мистер добрый. — да, я вынужден, но ничего не попишешь, мне приходится делать то, что делаю. — Одновременно мужчина разъяснял многое и… не разъяснял. Ох уж эти взрослые, не хотят отвечать на вопросы, не хотят ничего менять. Гавриила это расстроило.

— Ага, я спокоен. Ты отнял у меня все, я спокоен. — сказал сквозь зубы мальчик.

— Я у тебя ничего не отнимал. Никого! Никогда! — с этими словами Яков встал и пошел к дверям коридора, который ведет к лифту.

— Давай, парень, вставай, пойдем, — сказал мальчику грубый голос. Гавриил отвернулся от мистера доброго, нашел источник звука — темнокожий мужчина.

— Вау, никогда так близко не видел таких! — воскликнул про себя мальчик.

— Понятно. Кей, опять попался какой-то идиот, — этими словами мужчина вернул мальчика в этот мир. — Ну ты посмотри только, а!

— Сам ты идиот, делай свою работу, для чего ты еще нужен?! — мальчик и не ожидал, что скажет это вслух, но сказал.

— Ах ты засранец, пойдем, теперь меда в твоей жизни не будет, это точно. — все тем же грубым, и теперь уже со злыми нотками, голосом продолжил мужчина.

— У меня от него изжога. — издевался мальчишка.

Темнокожий мужчина и другой, Кей, как его назвал первый, взяли мальчика под руки, левый поставил мальчику укол. Они его подняли, ноги опять скребут полу, потащили в противоположную от лифта сторону. Перед Гавриилом стелилась пелена, он обернулся, увидел Якова, он стоял и наблюдал мальчиком. До последнего. Гавр отвернулся, закрыл глаза, положил челюсть на грудь, а по носу стекала слеза.

7

Сентябрь, 1994 год

После того, как мистер левый и мистер правый ушли от седоволосого человека со шрамом на груди, раздался звонок. Мужчина обычно не торопился поднимать телефонную трубку, шел всегда так, будто идет проверять почту в ящике: спокойно, размеренно. Но сегодня не тот день… не та ночь. В окно сквозь шторы пытались пробраться первые лучи света, и спальная вышла из полумрака, свет был приглушенным, все казалось плохой картиной, написанной маслом — все размыто и свет как-то неправильно падает… Мужчина поднял трубку.

— Господин Аркадиа! С вами все в порядке? Заглушили? — поинтересовался голос на том конце провода.

— И тебе доброй ночи, Николай. Все в порядке. — ответил седовласый мужчина. — Виктория все-таки хорошо выполняет свою работу.

— Спасибо, господин, я право тронут…

— Но не ты, ты плохо работаешь. Ты должен приезжать каждый раз, когда я ловлю занозу, когда я чихаю от переизбытка перца, когда мои глаза омываются рекою от потоков ветра! — спокойным, но твердым голосом сказал Аркадий.

— Я все понял. Правда. Такого больше не повторится. — виновным голосом ответил собеседник, — я нашел мальчика, он невероятно силен.

— У тебя все невероятно сильны, однако умирают за пару лет. Будь внимательней, Николай.

— Нет. Я уверен. Вам будет интересно на него взглянуть. Я не зря делаю работу! — гордо произнес Николай. — Его зовут Виктор Ан…

— До имен мне нет дела, в чем особенность? — поинтересовался Аркадий.

— Он — источник. Вы же понимаете. Самый настоящий источник. Его хватит на целый десяток, а то и больше. — воскликнул Николай.

— Да, говорун. Я верю. Я уж не помню, кого ты пометил. — но Аркадий все помнил. И он уже понял, о ком идет речь. — когда ты его привезешь? Одну девочку вскоре привезут. Ее сердце очень сильное. Да. Я чувствую, — но он не чувствовал, так уж ему выпало — лгать всю жизнь. — но она ни на что не годится, она и умеет, что лишь любить и любить, никаких выдающихся достижений. К тому же, она итак задержалась на сколько можно.

— Да. Я знаю о ней. Но Виктор сможет сделать многое! Когда вырастет. А сейчас… — Николай жаждал увести разговор от Алисы. Он наблюдал за ней с самого рождения и до совершеннолетия, теперь, когда она стала взрослой, Николай решил дать волю чувствам и… ну с кем не бывает. Он в нее влюбился, хотя им приказано не иметь личных дел с людьми. Но молодые поколения все больше и больше к ним привязываются, с течением времени даже старшие тают под красотой этих изящных созданий. Люди! Величайшее творение отца. Величайшее и алчное. И добродушное. И эгоистичное. И стремящееся к любви посредством разрушений. Разрушений всего, чего только можно. — Он сможет давать вам силы, пока не найдется кое-кто посильнее, кто может многое и быстро обучаем.

— Неужто ты увиливаешь, змей? Не сметь при мне. Со мной! — разозлился Аркадий.

— Нет, что вы? Просто в 87-ом был один случай, мужчина неприметный, да и жизнь вся его такова. У него родился сын. Я слежу за ним. Но он еще мало обжился в обществе, нужен хотя бы год. Или около того.

— Особый мальчик… — мечтательным взглядом Аркадий пронзал стену. — Эти сказки тебя умнее не сделают, идиот. Подумать только, какой-то особенный мальчик, что за дела…

— Но, сэр. — запнулся Николай.

— Ага. Вези Виктора тоже. Разберемся с этой загулявшейся Алисой и примемся за мальчика. — неумолимо твердил Аркадий. — Мы уже говорили о личных отношениях, знаешь, помнишь, не делаешь. Плохо, однако. Очень. Не важно, я сейчас иду спать. А ты собирай других за источником (мальчиком). Думаю, еще десяток до конца года возьмем и на том хватит. Людей нам хватает, пусть на воле подрастают.

— Так почему ты, сукин сын, не оставишь в покое Алису!? —сказал себе Николай. — Конечно. Все будет сделано. — продолжил он вслух. — Приятных ночей вам.

— Тебе того вдвойне. — на том Аркадий повесил трубку.

Мужчина на другом конце провода заплакал. В центре белой, залитой светом, комнате стоял на коленях Николай, обнимал руками стол и медленно-медленно стучал трубкой об него. Медленно-медленно. Для него это было невыносимой мукой. Первая женщина, которую он полюбил, умерла два века тому назад. Теперь он вновь испытал это теплое чувство — чувство привязанности к человеку. Но поели леденцы, пора и зубкам поболеть. Лучше бы он не знал о приближающейся смерти своей возлюбленной. Лучше бы он однажды пришел в свой кабинет и узнал, что Алисы больше нет. А теперь его будут терзать сны и попытки предпринять что-нибудь, что спасет ей жизнь. Но все было бесполезно. Через две недели он вышел на берег с кувшином в руках, омытый его же слезами. Но никто, ни одна душа не видела тех слез, он развеял ее пепел на ветру. Океан съел ее останки.

— Будь пеплом дней моих счастливых, Алиса. — дрожащим голосом выдавил из себя мужчина. — Стань серым пеплом на ветру.

Дневник Михаила. Часть первая

Я был хорошим отцом, по моим меркам, и очень уж плохим мужем, по общественным меркам… да и по моим.

Если б я не изменял своей жене. Если бы тратил лишь на семью. То никогда бы не ввязался в эту столь «увлекательную» историю, которая закончилась куда плачевнее, чем я мог себе представлять.

В 1965-ом году умер мой отец, Геннадий Гавриилович Стаханцев, хороший был человек, герой войны (хотя в наше время принято почитать родителей, но и без этого мне было плохо от его смерти). И поначалу я не знал, как залечить эту рану, я был молод и полон сил, закончил институт и устроился работать учителем истории в родную школу. Мне, как педагогу, нельзя было показывать отрицательные стороны моего времени обществу, да и вообще тогда было другое время, другое общество, а я лишь хотел развеяться после тоски по отцу. Вот я и пустился во все тяжкие, стал ходить от одной женщины к другой, к третьей, даже к замужним ходил, пока наконец моя сестра, Валентина не познакомила меня с моей будущей женой — Варварой. Удивительно, но она не знала о моих «похождениях», что не странно, ведь я умел заметать следы, а такие следы оставлять мне было ни к чему. Как говорилось в старых сказаниях: стали они жить-поживать, да добра наживать. Да только, как это бывает, любовь постепенно превращается в привычку, вот и моя Варвара превратилась в привычку, как сигареты, только вот всякий раз хотелось пачку другой марки… опять. Я опять взялся за старое в 1987 году. Она ничего не подозревала, я, как всегда искусно заметал следы, был для общества примерным семьянином. Но бабки во дворе, бывало, говорили плохое, и Варя это слышала, но бабки-то — есть бабки, их не изменить.

В том же году мы уже в третий раз за всю нашу совместную жизнь полетели на курорт в Крым. Черное море, палящее солнце, я слышал, что за границей есть куда лучше места, но куда мне, простому учителю истории, и ей, жене, работающей бухгалтершой в городской администрации, до таких «полётов». Но отец мне оставил хорошее наследство, поскольку никогда не признавал Советскую власть и всё прятал, кулак, да, но зато семья всегда была «в хорошем состоянии», даже после войны он смог в короткие восстановить свой толстый карман. Мне бы не хотелось выставлять отца в худшем свете, но что поделать, это моя история, и в ней не должно быть недосказанностей. Да-да: недосказанность — это всё равно, что ложь, сколько ты это не отрицай, ложью и останется.

Этот раз, эта поездка на море, выдалась очень уж ужасной и печальной для меня, как для отца, но дала возможность взглянуть жизни в лицо и, возможно, даже пообщаться с ней.

У нас с Варей было трое детей, к 1987 году Иннокентию было — 19 лет, Валентине — 17 лет и самой младшей и самой милой девочке на свете — только десять лет минуло 16 июня. Не то, чтобы я любил кого-то больше из детей, кого-то — меньше, но так всегда бывает с младшими — они нам кажутся куда милее, чем они есть.

По прилёту мы все были уставшие и до жути грязные, чего я жутко терпеть не мог. Выходя из самолета я увидел среди утомившихся «скучных лиц» одно, красиво улыбающееся мне — это было мужское лицо, что удивительно, меня радовало, что хоть кто-то мне в некоторой степени рад в этом едва знакомом месте.

Эта поездка на море была первой сознательной для Майи, но для остальных двоих детей — нет. Я знал, что дети, братья и сестры в частности всегда что-то держат в секрете, но даже представлять не мог, что такое может случиться в моей семье.

На следующий день мы, как и все приезжающие на курорт, пошли на пляж. Я обещал научить Майю плавать, она абсолютно не умела, но как она играла на пианино, это просто чудесно. По приходу на пляж я разбил «лагерь», чтобы было удобно оккупировать море. Мгно-

вение, я увидел девушку, мгновение, я засмотрелся, мгновение… Я задумался о том, не променял ли я свою истинную натуру на семью. Но эту мысль постарался сразу же отмести, всегда отметал. И мне показалось забавным, если я «достану сигарету из другой пачки». Но какими будут последствия? Не важно. Мне казалось, это не имеет значения. Семья расположилась в «лагере» и тут же умчала к морю, я сказал, что полежу немного и приду попозже. Я рассматривал женщин в полузакрытых купальниках (сейчас они более открыты), решил забаву осуществить. Но оставил на потом и пошёл к морю, как только я встал, то рядом оказался тот улыбающийся человек. «Ему определённо что-то нужно от меня» — подумал я, мелькнула мысль спросить всё напрямую, но это показалось бы паранойей — всего два зрительных контакта — преследование?

Тот день был скучным, Майя, конечно же, не научилась плавать, а я, конечно же, не открыл другую пачку сигарет, а решил обновить свою. Пригласил жену в ресторан, детей оставил на самого старшего из них — Кешу. Мы сели у окна, и я увидел опять того подозрительного типа. Минут двадцать мы ели, пили и болтали с женой, потом ей понадобилось пойти в женскую комнату, и тот подозрительный тип всё время улыбался, когда мы встречались глазами. Когда жена отошла, то тип решил подсесть ко мне. Я подумал: «быстро вытру нож, спрячу в карман, так, на всякий случай». Как только он подошёл к стулу я начал разговор, потому что разговор всегда начинаю я.

— Могу я чем-то помочь? — пока что дружелюбно спросил я.

— Привет, конечно можешь, составишь компанию мне у бара, а то я один, а одному скучно?

— Так, подожди, ты не из «наших», да? Я не такой, я не… — но он оборвал меня.

— Нет, с ориентацией у меня всё в порядке. Мне действительно скучно, если у тебя такие подозрения, то можем выпить за твой счёт.

— Ах ты хитрец. Что тебе нужно, ты следишь за мной? Если так, то прекращай, не то хуже будет.

— Подожди, не злись, пожалуйста, и положи нож на стол, а то мне как-то неудобно пить с человеком, который держит нож в кармане, опасаясь меня.

— Нож? Ты о чём? У ме..

— Не прикидывайся. Ты слишком устал от своей работы, вот тебе и кажется «всякое».

— Ладно — я успокоился — садись. Я действительно очень устал от перелёта, от работы, от семьи, я хочу свободы — и тут сам того не замечая начал, как это называется, плакать в жилетку.

— Вот видишь, всё хорошо, я не плохой, хотя плохих не бывает.

— Миша, ты нашёл нового друга? — также не заметил я, что и жена уже вернулась.

— Да нет, не друг, так… — Познакомься, это Варя — моя жена, — обратился я почему-то к незнакомцу, хотя нужно было сначала жене представить незнакомца, что-то было в нём притягательное — Варя, это… А как вас зовут?

— О, мы не представились, Меня зовут Николай — он вдруг встал и поцеловал руку моей жене, странно, так никто давно не делает, вообще он мне уже тогда казался странным.

Тут я опомнился и сказал, что не могу составить компанию ему у бара, так как провожу вечер с женой, удивительно, я пытался выразиться на Высоком слоге. Чтобы произвести впечатление? Знакомый незнакомец извинился за то, что помешал нашему вечеру, я соответственно сказал, что всё в порядке.

— Миш, эт кто? — спросила Варя.

— Я-я. Я не знаю, какой-то чудной парень. Старые жесты, слог…

— Опять со своей Историей — вот что мне дико не нравилось в жене — ей не нравилось, что я всё время говорю об Истории, вспоминаю старые обычаи, как раньше каждого ребенка учили играть на пианино, французскому, а каждую девочку — как быть правильной <…>. Хотя

я в ресторане тем вечером ни разу не сказал о своей работе, так, пару слов, но этого хватило. После того знакомого незнакомца шло всё нудно как-то — продолжение в постели с женой — как всегда, мы заснули к двум часам ночи, где-то в 4:00 я проснулся, даже после малого количества спиртного ночью мне всегда хотелось зверски выпить воды.

После свадьбы я ни разу не гулял ночью один, на встречах Нового Года мы изредка спускались, чтобы освежиться, почувствовать атмосферу, или мы были просто пьяными и без причины что-то делали. И мне показалось, что я давно перестал делать что-то без причины. Почему нужна быть причина? Я оделся и пошел к берегу. Это такая прохлада. Никогда не было столь комфортно. Разве что весной, когда идёшь с консультаций и Солнце уже в зените — ярко, красочно, немного прохладно. Но сейчас не было ярко, красочно — да, ярко — нет. И вот стою я на песке босиком, в одном халате, лёгкий бриз моря развевает полы моего одеяния, слушаю тишину, где-то вдали слышно гудение автомобилей, где-то уже кипит жизнь в четыре часа утра. Мне было просто хорошо в то утро, я по-настоящему наслаждался своей жизнью. Но тишину оборвали сухие медленные шаги, я не стал оборачиваться: если это какой-то маньяк, то пусть делает, что хочет, я не собираюсь прерывать его удовольствие; если не маньяк, то должно быть, что это постоялец, а кто из постояльцев мог встать в такое раннее время — я, и любой другой, но мне показалось, что это тот знакомый незнакомец, тогда мне вообще не стоит беспокоиться.

— Оставили жену совсем одну в холодной постели? Как нехорошо. — вдруг сказал незнакомец.

— Постель вовсе не холодная, и мне нужно освежиться, — с чего бы я стал таким ласковым? — И это вовсе не нехорошо.

— Ты оставил постель жены, потому что хотел разделить постель с другой? С первой девушкой, на которую ты кинул взгляд? — откуда он знает?

— Мне всё чаще кажется, что ты следишь за мной, и мне это не нравится.

— Нет, тебе нравится. И я просто наблюдаю. Мне скучно.

— Так, послушай, если ты не из «наших», то боюсь, что дружбы не выйдет, прекр..

— Я не из «ваших», но меня интересуют только женщины, как… женщины. Глупая строчка какая-то.

— Строчка? Ты книгу пишешь? Если я там буду, то у тебя получится самая заурядная история на свете.

— Я не пишу книг, ты в моей истории ты будешь. Так ты хотел ту первую. Хочешь, я всё устрою, и твоя семья не узнает, что их папка курит другие сигареты. — И тут я его немного испугался, откуда он знает это выражение, я никому не говорил его. Хотя я же не уникален и всякое может случиться, на этом я и успокоился.

— Так ты сутенёр что ли? Это какое надо иметь терпение, чтобы вот так искать подход к клиентам.

— Нет, я не сутенёр, я её даже не знаю, но я могу отвлечь твою семью, пока ты развлекаешься с той милашкой. — Это какую наглость надо иметь.

— Это что ещё за нахрен? Семью мою захотел? Да я..

— Да ты… Да я… Да ты не кричи, утро всё-таки. Я знаю, что ты хочешь развлечься, я знаю, что ты не выгонишь меня из своей жизни, пока я не помогу тебе. Я лишь помочь хочу и только. — странный он всё-таки.

— Николай, да? — ответил я уже спокойным тоном — Послушай, зачем тебе это? Кто ты вообще такой?

— Я что-то вроде экспериментатора. Мне скучно. Вот и провожу такие эксперименты. СКУЧНО — повторил он басом — СКУЧНО. Понимаешь, твоё похождение займёт меня, ты займёшься ею. — да что за ерунда тут происходит.

— Тебя займёт? Ты записать всё на камеру хочешь? Ты извращенец что ли? Не подходи к моей семье.

— Успокойся — как-то резко опрокинул он меня — Не нужна мне твоя семья — (ага, как же) — мне нужно, чтобы человеку как индивидууму было хорошо, и не важно, что скажет на это общество. Я что-то вроде добродетели для души.

— Сводить людей в постель — больше похоже на сутенёрство, чем на эксперимент. Мне кажется, что ты просто больной.

— Нет. — почему он всё ещё говорил спокойно? Другой выбесился бы уже — Я вполне себе здоровый, хватит тратить время на разговоры, пора тебе в постель к своей женщине.

— Какой заботливый, — говнюк какой-то, — на этом закрыли тему. — он уже уходил, но мне хотелось разговаривать с ним, зачем, не знаю, но просто хотелось говорить всякий бред ему в уши.

— Я в номере «249», что на восьмом этаже — какого хрена — подумал я, выше четвёртого идут трёхсотые номера.

— Не пойти ли бы тебе?

— Пойду, как надумаешь развлечься с той малышкой, приходи ко мне, я всё устрою.

Персонал гостиницы уже был на ногах и я боялся, что кто-то услышит это, поэтому ответил, что это хорошая шутка.

Когда я проснулся, я чувствовал себя очень бодро, несмотря на то, что слишком уж долгий сон вредит здоровью, но удивительно, голова не болела и усталости не было. Может, всему виной стало знакомство и разговор с незнакомым человеком, ведь дома я иногда только перекидываюсь парой слов с коллегами, а с друзьями у меня как-то не вяжется (не вязалось тогда, не вяжется и сейчас). Жены рядом не было, не мудрено — был ровно полдень. Мне жутко хотелось в туалет, но лень было вставать, или лень встречаться с семьей и желать им доброго утра. Всегда ненавидел эту показушную любовь: «Доброе утро, Кеша, доброе утро Валя…». Кеша так и норовил забрать квартиру, Валя так и норовила нарушить какое-нибудь «правило-нашего-времени» и я уверен, что уже тогда она уже не была девчонкой. Не самое лучшее время для России, но были и похуже, всё было тогда в пыли дорог, грязи, поту. После того, как мой друг Ваня отказался агитировать в своих картинах добросовестность и порядочность Советов, я его больше не видел, а художник был достойный, правда человеком он был не самым лучшим.

Но кого я по правде любил в этой семье, так это Майю… До сих пор люблю.

Я полежал ещё где-то полчаса до того, как зашла жена проведать меня (она постоянно бегала за мной), тогда я пошёл справлять-свои-дела. Повернув кран, я услышал шёпот, странно как-то, вроде немного выпил, сумев разобрать слова понял: «Уезжай, уезжай, уезжай». Странно, странно, странно. То был голос подростка, в будущем этот голос стал для меня и родным и чужим одновременно. Закрыл кран, голос исчез, открыл — опять заговорили (не надо было всё-таки столько спать). Слышу стук в дверь. « Миша, к тебе твой новый друг пришёл» — кричала жена. Сколько говорил ей, что не принято стучать в туалет, если знаешь, что занято и уж тем более не принято кричать туда, поэтому я ничего и не ответил.

— Михаил, привет, друг, как твои дела? Ты какой-то помятый! — вот же жизнерадостный идиот, и это был конечно же Николай — неприятный тип из кафе.

— Доброе утро тебе. Долгий сон всему виной, — ненавижу держать тон терпиливого слюнтяя, — Что привело тебя сюда в такой ранний час? — какой ранний час, сейчас же обед.

— Ранний? Да я просто зашел узнать, как ты, а то ты такой нервный вчера был, — неужели он и вправду проговорился бы про встречу на пляже? Но нет, не проговорился.

— Миш, вы так хорошо вчера познакомились? — спросила Варя, вроде бы не удивившись (взбрело же этому болвану кричать на весь номер) — Я отходила на пару минут и т..

— Просто наши интересы совпадают, леди, вот мы так быстро и подружили-и-ись, — этот тип оборвал мою жену на полуслове, я и сам не против, чтобы она молчала всю жизнь, но она ему не принадлежит, как он может?

— Хочешь чаю? — предложил я ему, — моя жена не британка, но чай пить можно — не знаю, к чему этот идиотский юмор, тем не менее я старался держаться любезным.

— Да, с удовольствием. Добрый день, Валентина, Иннокентий. Добрый день, Амайя. — поприветствовал этот-тип моих детей.

— Николай, вы знакомы с нашими детьми? — она задала первым делом вопрос какому-то незнакомцу, а не детям! — откуда вы знае…

— Это долгая история — ответил этот тип

— Здравствуйте, дядя Николай! — самый приятный голос на свете прозвучал, голос Майи — а мы сегодня будем играть в волейбол? Это интересно.

— Если к нам присоединяться твои папа с мамой, да — ответил тип.

— Эмм, объясни-ка — нахмурился я, любезность уходила.

— Вчера эти трое сорванцов кидали мяч на пляже, я проходил мимо, мне стало интересно, ну и мы разговорились — объяснил тип.

— Что ж, давайте сядем за стол — предложила жена.

Пока все усаживались, Николай подошел ко мне, мы пожали друг другу руки и он шепнул: « А не плохая у тебя зарплата, чтобы снимать трехместный номер с кухней». Я ничего не ответил, но немного испугался, подумал, что он какой-то мафиози (идиотское предположение, знаю). Говорили мы о всякой ерунде, скорее даже болтали. Сдружились, однако. И он мне не казался таким уж странным, каким сначала показался.

На следующий день мы уже загорали вместе на пляже. Моя семья восприняла Николая, как друга семьи. Но жена не очень-то его жаловала. И после трех проведенных дней с ним почти вместе, почти не разлучаясь, она завела об этом разговор.

— Миш, тебе не кажется он каким-то подозрительным? Мне — да. — говорила она. — Где он работает, он хоть говорил? А?

— Нет, не говорил, но это не делает его плохим человеком. — и тут я вспомнил, что он не сказал мне, кем работает и не только это. Он вообще почти ничего не говорил о себе.

— Ты всерьез думаешь завести с ним дружбу?

— Кажется, уже завел, ничего не попишешь. — ответил я Варе.

— Мне он не нравится. Очень. — но на этом наш разговор закончился и я ее успокоил.

В утро второго понедельника, проведенного на отдыхе, я проснулся ни свет, ни заря. В четыре часа я выскочил из постели и решил окунуться в холодное море. Старался не разбудить жену. Не разбудил, взял полотенце и халат. Я впервые в жизни взял халат на берег, ведь утро было холодным. Как и всякое раннее утро. Я решил не надевать обувь, накинул халат поверх трусов и побрел к пляжу. Вдруг вспомнил о Володе Иванове. Мой друг из соседнего дома. Он все мне твердил о том, что хочет завести сына, что ему надоело это одиночество с женой. Он говорил, что это, конечно же, хорошо, но со временем это надоедает и хочется чего-то нового. Разнообразия. Он часто со мной говорил о подобном, каждую субботу бы выпивали, его жена не была против, а моя и не могла. Хоть он и был на семнадцать лет младше меня, но все-таки был хорошим другом. Лично я никогда не понимал, причем тут возраст. Ведь дружба возьмет и не спросит. И сведет.

Сказать, что вода была холодной — ничего не сказать. Она была просто ледяной, но я подумал, если искупаться, то можно быстро уснуть. И проспать до обеда. Что может быть лучше? Я начал было выходить на берег, как увидел, что ко мне направился высокий силуэт. Я думал, мне привиделось, но присмотрелся и понял, что он в одним трусах. О, как же я ему завидовал, что он сухой. Он подошел ближе и я увидел на его руке браслет. За всю прошедшую неделю я еще ни разу не видел этот браслет. Теперь я одно понял точно: где бы он не работал,

прибыль была хорошей, ведь на его руке красовался толстый и золотой браслет, украшенный какими-то непонятными мне символами. Итак, его статус я для себя выяснил.

— Михаи-и-ил! — протянул он. — Добрых дней тебе, мой друг.

— И тебе доброе утро. — ответил я. — Скажи честно, ты следишь за мной? Это уже второй раз, когда ты выходишь на берег, когда я нахожусь тут.

— Нет, не слежу, просто так совпадает… — ага как же, поверил я, но виду не подал, что это звучит подозрительно. — Я шел искупаться. Не мог уснуть. Понимаешь, вся эта суета с работой?

— Понимаю. А кстати, где ты работаешь? И вообще, можешь рассказать подробнее о себе, чем… чем ничего? — предложил я.

— Хм, о себе рассказать. Как-нибудь потом, а работаю я с детьми. Такая вот сфера. Ну знаешь, тому учителей, того в спорт… — ответил он.

— А-а, понятно. Ну, купайся, вперед! А я пошел в номер.

— Подожди, — он схватил меня за плечо, не сильно, но все же неприятно. — за неделю ты так ничего и не ответил на мое предложение. Так что ты надумал?

— Надумал, что хватить шутки шутить. — тут он вновь вызвал у меня подозрения. — Ты же сутенер, верно?

— Сутенеры разве бегают за клиентами? — ответил Николай.

— Ну-у, если те богатые…

— А ты богат? — спросил он в лоб.

— Если ты из налоговой, то нет. — я прищурился, наигранно, конечно, — но ты ведь не из налоговой верно?

— Не беспокойся, к деньгам я уж точно не лежу. — он увидел, как я наигранно кивнул на его браслет, — Ах это… Это бонус за мои заслуги.

— Бонус, значит… Может ты все-таки откроешь, кто ты, а то кроме веселого времяпровождения ты мне ничего не дал.

— Так что тебе нужно? Моя биография? Избавиться от семьи? Больше денег? — он все ходил вокруг меня. — Или ты хочешь ту милашку?

— Очень смешно, как маньяк из дерьмовых фильмов. — ответил я. — Ладно, мне пора идти, меня клонит в сон и… и скоро мне вставать, — ну, тут я соврал, не собирался я просыпаться в ближайшие восемь часов, если, конечно, Варя не закажет в номер пиццу. Но не заказала, и я проспал до обеда. И я тронулся в путь.

— Приятных снов тебе, Михаил. — крикнул он мне вслед, я обернулся, кивнул, пожелал ему того же и на этом вернулся в номер.

Вернувшись, я обнаружил, что Майя не спала. Она сидела за столом и лопала хлопья с молоком.

— Чего это наша маленькая принцеска не спит? — спросил я, уже не боясь кого-либо разбудить.

— Я захотела кушать. И я не маленькая. — ответила дочь. — А ты тоже не спишь, между прочим.

— Я купался, малышка. А мама не просыпалась?

— Ы-ы. — она помотала головой мол «Нет».

— Ты же не скажешь ей, что я просыпался? — она повторила тот же жест. — Тогда доедай и ложись спать. Я подожду.

Долго ждать не пришлось, она быстро дохлебала и побежала в комнатку, где расположились Валя и Кеша. Майя легла в постель, я сел рядом, поцеловал ее в лоб и пожелал сладких снов, направился было к двери, но тут она меня остановила голосом.

— Пап, я не могу уснуть. Я хочу сказку! — потребовала она.

— Но, милая, я не знаю сказок, — я на это подошел к ней. — ты уж прости…

— Не-а, папа, не отвертишься, ты знаешь много сказок. Мне мама говорила. — ох уж эта мама. Да и сказок я знал большое количество. Что уж скрывать.

— Ну ладно, уговорила. — Вообще-то я и с самого начала был согласен, но поупираться для виду — не мешает никогда. Я сел и начал рассказывать. — Давным-давно в тысячах километрах от России, в тысячах километрах от каких бы то ни было земель существовал Остров Молнии…

Давным-давно в тысячах километрах от России, в тысячах километрах от каких бы то ни было земель существовал Остров Молнии, на этом острове расположилась Страна Ветров, но бывали случаи, когда ее называли Эффилией. Государством этим правили сыны и дочери великого рода Калли. И так уж вышло, что в том время королем был великий и могучий ган Карри. И было у того мужа два старших сына и две дочери, да все были от разных женщин. Ведь женщинам Калли запрещалось иметь больше одного ребенка, но не мужчинам. И славилась та земля своими богатыми урожаями, золотом и серебром. В этой далекой стране в то далекое время было много-много мрамора, из которого скульпторы возделывали великие и тонкие произведения, за которые люди из Внешнего мира могли отдать по полцарства с казны. А жителей той страны называли Эффилийцы.

Еще раньше, чем во времена правления Великого гана Карри, за много-много веков до этого остров разорял злой подводный монстр Эллипс. Он не давал кораблям ввозить и вывозить товар и людей, а эту страну желали посетить все, кто о ней слышал. Говорят, что в Стране Ветров могли вылечить любую болезнь и прогнать любой недуг. Но Эллипс был голоден и зол, поэтому он разрушал все, до чего мог доплыть. Но однажды жителям надоело сие существо и его длинные лапы, похожие на клешни, режущие корабли и парусники. Они решили послать всех своих самых храбрых мужей, чтобы те убили злосчастного Эллипса, но у воинов тех ничего не вышло, ибо с топором на каменный дом идут только дураки. Но сын молочницы вовсе не был дураком, хоть был и храбрым. Он не вышел в назначенный час и день из дому, он был умен и хитер, под стать огромному монстру. И тогда Эффилас вызвался помочь добрым людям. Он построил избушку из леса, которым была богата та страна, на берегу Южного берега, ведь это было излюбленное место чудовища, а как раз этим путем деревянные суда добирались до великого Острова Молнии. Монстр не замечал его дом семь дней и семь ночей, но потом все же стал мало-помалу тянуть к нему свои щупальца, но ничего у Эллипса не выходило. Монстру было досадно, что над ним насмехаются, его водят за нос, он видит еду, но не может до нее дотянуться. За семь дней и ночей он перестал терроризировать берега, сельчане уже могли выходить на парусниках, чтобы ловить рыбу. И рыба та начала плодится в три раза больше. Эллипс все голодал и забыл про сон, ему нужен был только статный и могущественный парень, который насмехается над ним. И когда Эффилас решил, что пора поговорить с монстром, он вышел на берег и предложил ему себя взамен на спокойствие, тогда монстр тот не согласился. И храбрый парень предложил монстру перебраться на северный берег и больше никогда не приплывать на какой-либо другой. Тогда Эллипс завыл пуще прежнего и злость в нем разыгралась, но ему все же удалось усмирить свой гнев и он понял, что человек этот действительно храбрый и начал мало-помалу его уважать, но на договор не согласился. Тогда Эффилас ушел в деревню к церкви и попросил священного писания, долго упрашивал священников отдать его ему, но все же отдали и были раздосадованы этим — ведь священное писание у них было запечатано в единственном экземпляре, а повторить его на других холстах они не могли. Они умели читать и считать, но никто из них не мог писать.

— Эллипс, повелитель морей и океанов, прошу тебя об одолжении: оставь сей святой остров в покое, иначе я обрушу на тебя гнев божий, что содержится в этом писании. — твердил Эффилас. — Но также я могу открыть тебе секрет вечной жизни, здесь есть все. Если

согласишься на условия, то будешь жить вечно. Но ты будешь обязан охранять наши земли! — Монстр взвыл пуще прежнего…

Монстр взвыл пуще прежнего, но все же согласился. И тогда храбрый Эффилас зачитал сие писание. Но прежде чем монстр стал вечным, Эффилас заключил письменный договор, который должны были чтить все сыны и дочери злосчастного Эллипса. Монстр взвыл пуще прежнего, но все же согласился. Мужчина тот вернулся к матери-молочнице и попрощался, а так же вернул священное писание и вручил своему младшему брату договор. Однако на берег в тот вечер вышли все сельчане и горько рыдали. Особенно его младший брат. Эффилас зашел в воду по колено, монстр высунул из воды свою огромную голову, когда Эффилас вновь зачитал писание по памяти, то раскинул руки, но монстр его не тронул. И тогда Эффилас и Эллипс превратились в серый песок, затем их унесло ветром, море съело их останки.

Когда младший брат стал взрослым, то воздвигнул вокруг той избушки на берегу дом. Он нашел договор, который вручил ему брат и положил его в основу всех законов. Тогда люди из Внешнего мира начали вновь приезжать, а также привозить туда работников, которые построили помогали строить город Элли, затем вокруг этого города рассыпались другие города и деревни, а страну ту стали называть Страной ветров. И первым правителем этой страны стал младший брат Эффиласа — Экон Калли.

Через много-много лет после воздвижения города Элли Великий король Карри ган правий Островом Молнии. Сюда съезжались со всех уголков мира. Торговля велась со всеми и все были довольны, кроме одной страны.

Люди из той страны носили зеленые плащи и были жадными до продукции и денег. Но пуще их был жаден самый старший сын короля — Эфей, у него бывали стычки даже с самыми влиятельными людьми из внешнего мира, за это отец его недолюбливал. Другой сын, Лит, был падок на женщин и ложился в свое ложе с новой дамой каждые семь дней, за это отец его недолюбливал. Старшая дочь, Аллисон, была пристрастна к хмельным напиткам, каждые семь дней она ложилась в свое ложе с новой бутылей, за это отец ее недолюбливал. Младшая дочь, Скайфорт, любила чистоту и порядок, каждые семь дней она сама чистила комнаты Королевского замка, за это отец ее любил, но недолюбливал за то, что она все время противилась его приказам.

И однажды принц Эфей сам вызвался расплачиваться с Зелеными людьми. Тогда продавцы дали товару меньше, чем полагается, а золота требовали больше, чем полагается. В то время, как старший принц желал дать меньше золота и больше товару. И эта стычка закончилась кулачным боем между Мишелем, главным той баржи Зеленых людей, и принцем Эфеем. Тогда ган Карри, узнав об это, разгневался и потребовал извинений от Мишеля к Эфею, и от Эфея к Мишелю, и они попросили друг у друга прощения. Тогда в честь этого ган Карри устроил пир на весь остров и гостей. Все пили и ели, все были праздны и счастливы и разошлись миром. Но через семь дней и ночей, когда Мишель Дюва пришел на корабле забрать обещанный ему бюст своей сестры, то просил встречи с ганом Карри у принца Эфея. И тем же вечером Мишель попросил руки и сердца младшей дочери короля у гана Карри. Великий и могучий ган Карри будучи в праздном настроении велел привести свою дочь в покои отца. Но, узнав, что ей предложил отец, тут же отказалась и ничем ган Карри не мог ее заставить выйти замуж за Мишеля, повелителя зеленых. Он был низкий, толстый и глуповатый, а принцесса Скайфорт бы ни за что не выбрала себе такого в мужья. Да и не нужен ей был сын от такого человека. Тогда отец разгневался пуще прежнего и изгнал дочь из города в первую деревню. И тогда раздосадованный Мишель вернулся в свою страну и рассказал обо всем своему отцу. И тот собрал против Острова Молнии войско. И случилась битва между двумя могучими державами. Но воины Калли были сильнее всех воинов во вселенной. Но не потому, что у них были латы из святого железа. Не потому, что их мечи, луки и копья возделывали самые искусные мастера. А потому они были самыми сильными, что были рождены для защиты и хранения Острова

Молнии. На передовую вышли также Эфей, Лит, Аллис и Скайфорт. Война длилась сто дней и сто ночей. И зеленые воины пали. Тогда умирающий Мишель решил захватить с собой даму, которая ему отказала, и он выстрелил из лука. Но старшая сестра успела заметить ту стрелу и закрыла своей грудью младшую сестру. Тогда принц Эфей разгневался и убил Мишеля Дюва, хоть отец приказал бросить того в темницу. Через три дня и три ночи тело Аллис похоронили, а на похоронах тех было много народу, все, кто смог влезть на Земли Павших. Но не было там одного важного для Аллис человека — ее брата принца Эфея. А потому что тот уплыл прочь в страну Зеленых, поскольку им овладела жажда мести.

Он убивал всех воинов, которые стояли у него на пути, затем начал убивать и мирных мужей и женщин, а затем и детей. Тогда король ган Карри простил принцессу Скайфорт и отдал приказ ей и Литу уехать в далекую страну Зеленых и разыскать Эфея. Но, прежде чем они двинулись в путь, он приказал своему самому искусному кузнецу выковать золотой браслет и вывести на нем символы святых. И вручил ган Карри сей браслет Скайфорт, ибо она должна была надеть его на брата, а Лит должен был держать его. В итоге так все и случилось: Эфея разыскали, надели на него браслет. Тогда гонец передал им известие, что принцесса и принцы должны стереть о себе память. Никто не должен о них помнить, ведь сын Великого Рода Калли опозорил Страну Ветров. И Скайфорт с Литом выполнили свой долг, но разрешили посещать свою страну только мирным. Зеленых воинов ждала пасть Эллипса.

Но Ган сам не мог вернуться домой, ибо пятый закон договора Эффиласа гласил:

«Сынам или дочерям рода Калли, предавшим свой род, возвращение домой запрещается».

И Скайфорт не могла оставить своего брата одного скитаться по чужим землям, поэтому осталась здесь, среди незнакомой и в некотором враждебной стороны. И в Страну Ветров вернулся один лишь принц Лит. И потомки его приведут страну сию в запущение и люди в Зеленом вернуться вновь, но это совсем другая история.

— Хм, а интересная история, пап, — сказал сонным голосом Иннокентий, — только жаль, что я начала не слышал.

— Ой, ты извини, что разбудил, просто я усыплял Ма… — ответил сыну я, — …йю. Ну ладно, хоть уснула.

— А мне ты никогда не рассказывал эту притчу. — вставая сказал мне сын.

— Вообще-то это сказка. И мне ее рассказал давным-давно дедушка. А не рассказывал потому что ты никогда не был десятилетней милой девочкой.

— И я тебя пап, — сказал удаляющийся голос сына, — и я тебя. — с этим дверь туалета захлопнулась.

А я сидел и молча слушал тишину в полутемной комнате. Меня вдруг встревожило, а чего это я, собственно, не рассказывал ему сказку Калли? Но было уже шесть часов и меня клонило в сон, так что я тем утром больше ни о чем не размышлял и пошел спать. Жена до сих пор дрыхла, и это порадовало меня вдвойне. Тот день закончился для меня утром, а следующий начался для меня тремя часами пополудни.

Глава 2: Как найти друзей и прижиться в новом месте.

Богами вам ещё даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;

И вашей радости беспечной
Сквозь слёзы улыбнуся я.

(Александр Пушкин)

1

Стук в дверь. Врач (наверное) разрешил войти званому гостю. Вошли двое: темнокожий санитар в синей в синей робе и белых мокасинах, в правой, согнутой в локте, руке он держал толстую папку, в левой руке держал белую, как снег, маленькую ручку, ручку мальчика. Врач и гость поприветствовали друг друга, никто не произнес ни слова, врач кивнул на одну из горизонтальных стеклянных колб в левом углу кабинета, санитар проводил туда мальчика, открыл колбу, привязал его, тот даже не дергался: он казался таким немощным и уставшим, что, казалось, вот-вот прикажет долго жить. Подошла женщина, судя по всему медицинская сестра, поставила мальчику укол, санитар закрепил ремни на его руках и ногах, затем закрыл стеклянную крышку, мальчик закрыл глаза… Затем, без стука, в кабинет вошел еще один человек.

— Кирилл, добрых дней. Мне уже раздеваться? — спросил седоволосый высокий мужчина у доктора.

— Аркадиа, здравствуй, — ответил тот, — да, думаю, он уже отключился. После этого мальчику нужно некоторое время, скажем… месяц или два, он так уж плох…

— Хорошо, как скажешь. Сегодня на восьмой этаж должен поступить еще один мальчик, я понимаю, это не входит в твои обязанности, но… — виновным голосом произнес последний вошедший.

— Ну что ты, рад услужить, схожу, посмотрю. — дружески перебил его доктор. — Это очередной особенный мальчик Николая? Ох уж этот змей, ей богу

— Да. Но я чувствую… Все всегда говорят: чувствую; хотя понятия не имеют о состоянии человека. Но ты же знаешь. — Аркадий ни с того, ни с сего вдруг стал оправдываться. Вот же чудо! Вот же дружба! Видимо они с Кириллом Сергеевичем и впрямь такие хорошие друзья. — Кстати, он уже на острове, пока его потаскают по этому этажу, вечером ты к нему.

— Сделаю, сделаю, — ответил доктор и кивнул мужчине на колбу.

Аркадий лег, санитар и мед. сестра повторили тот же ритуал, что и с мальчиком, тот отключился. Доктор встал, подошел к одной колбе, что-то понажимал на приборной панели, прикрепленной к изголовью стеклянной кровати, повторил тот же ритуал. Спустя некоторое время комнату наполнило мягкое золотистое свечение, будто это мультик и Скрудж Макдак открыл ящик в той пещере… Правда наших пятерых героев не пришлось вытаскивать из заваленной камнями скалы.

Спустя примерно полчаса темнокожий санитар с мальчиком по левую руку вышел из кабинета. У мальчика все плыло перед глазами, он был похож на мертвеца, но никаких темных кругов и красного носа, он был бледен, казалось его волосы вышли в одну гамму с лицом. Пять шагов. Шесть. Виктор увидел мальчика в знакомом костюме с человеком, который его сюда привез. Яков — такое теплое воспоминание, ведь до встречи с ним к Виктору все относились плохо, грубо, некоторые даже били… точнее большинство. Такова участь сирот, находящихся в детских домах, ничего не попишешь. Но его напугало, что у радужки мальчика светились золотистым цветом, голубой еле-еле пробивался. Ему вдруг стало тревожно, что еще один из ему подобных заключен в это место. Когда Гавриил шел далеко позади Виктора, последний обернулся, замедлил и без того черепаший шаг. Санитар позволил ему даже постоять на месте, но как только увидел, что мальчик оборачивается назад, тут же дернул его вперед.

«Ох, моя рука, — подумал Виктор. — вот было бы чудом, если б ты вдруг отпала».

2

Мальчик обездвижен. Мальчик спит… или не спит. Он не может понять, сон это или реальность. На входе стояла девочка в белом халате и пристальным взглядом прожигала его. Мгновение. Гавриил отвернул голову от девочки, на груди сидела собака. Большая и белая собака, она не хотела укусить мальчика или расцарапать лицо, она просто его прижимала к кровати, будто полумертвую курочку. Вот же улов. Гавр попытался закричать, но ничего не вышло. Он ощутил себя немым. Тем временем девочка двинулась к нему, три, четыре, пять… Мальчик зажмурил глаза.

Открыв глаза Гавриил сел, в шкафу рылся отец, что-то перевешивал. Он взглянул на сына.

— Доброе утро, мой маленький принц. — и продолжил дальше свое дело.

— Папа, мне такой сон приснился! Будто меня похитили, увезли на катере на куда-то далеко-далеко, я так испугался, думал это и вправду случилось. — кричал восторженно мальчик. — Пап, а какое сегодня число?

— Сегодня день, когда тебе разгрызет глотку мой маленький Мали. Ха-ха-ха! — отец повернулся к мальчику, его лицо стало чернеть и расплываться, он бросился на мальчика, черная густая слизь, похожая на горячий гудрон, обожгла мальчику лицо и руки.

— А-а. Нет! Мое лицо! — закричал, проснувшись, Гавриил. — Сон… О-ох!

— Замолчи ты, не мешай спать! — крикнул ему девичий голос.

Часы били четыре часа пополуночи. Сквозь жалюзи была видна метель. Но начало светать. Мальчику это показалось странным, ведь зимой не может так рано вставать Солнце… Однако и то, что делают ему подобные тоже не может быть. Гавр попытался уснуть вновь, но ничего не вышло. Он встал и направился к двери, ему хотелось в туалет. Вышел из палаты, посмотрел на охранника. Охранник посмотрел на него, прищурился, как будто вот-вот вытащит револьвер и снимет пулей шляпу с головы мальчика. Потом поторопил мальчика, а Гавру два раза повторять не нужно.

Гавриил обогнул расположившуюся посредине холла комнату, из которой время от времени выходили охранники, держался левой стороны, дошел до последней двери, что находятся с той стороны, вошел. Сделал свои дела, подошел к раковину, умылся, когда поднял голову, то позади себя в дверном проеме вместо двери стояла девочка в белом халате, Гавр обернулся, дверь на месте, в комнате никого, повернулся обратно, чтобы умыться, согнать сон. На раковине сидела та же собака: белая с черными кругами вокруг глаз, пасть была в крови, собака встала, под ней образовалась черная жижа, мальчик бросился наутек к двери, затем в палату. Он жадно глотал воздух и даже не обратил внимания на охранника, пригрожавшего ему, чтобы тот шел шагом «не шумел, маленький кретин». Лег на кровать, закрылся одеялом, спустя минуту вылез из под него, думал, что опять увидит девочку, но ничего (никого?) не было. Спустя полчаса мальчик спал, предварительно подумав об отце, который бережно складывал вещи в шкафу сына, ему это казалось высшим проявлением любви и заботы. Потом вспомнил расплывающееся лицо отца и уснул.

«Грешники горят, Гавриил. Грешники горят в черной крови» — звенел девичий голос, который постепенно обратился в шум будильника. Он открыл глаза: кто-то нехотя поднимался, кто-то уже одевался и чистил зубы перед раковиной, чьи-то кровати пустовали. Так что если не обращать внимание на охранников со стеклянными жезлами, что патрулируют этаж каждые полчаса, то это просто-напросто больница, в которой мальчика лечат от… От того, что обычные люди называют странным и не входящим в рамки этого мира.

За три с лишним месяца Гавриил так ни с кем и подружился, пара слов — не больше. Ноябрь — тоска по дому, дальше началась зима, поэтому к тоске присоединилась пара этажей грусти, для шестилетнего мальчика и одно первое то является испытанием, а тут еще и эта зима. Он планировал подружиться с кем-нибудь весной, когда покажутся первые цветы из под снега… Хоть и находилась девятью этажами ниже и тремя километрами дальше, в окно не наблюдалось не единого цветочка или травинки, все это можно было увидеть лишь за забором. Однако мальчик отдал бы последний грамм своей крови, лишь бы минуту погулять на свежем воздухе. Ну иди пять минут… или больше. В конце концов три месяца без свежего воздуха для ребенка — испытание. Никаких игр на улице, никаких пробежек, им оставалось только гнить среди этих комнат. Мясо давали только раз в неделю, но большими кусками, в остальные дни кормили зеленью, кашами и вареными крупами, приправленными тоже зеленью.

Гавриил пошел в уборную, чтобы сделать утренний туалет, не любил он среди множества глаз приводить себя в порядок, потому что считал это дурным тоном. Его этому научила Майя. После обогнул комнату охраны. «Какой идиот додумался расположить ее здесь? Архитектор явно был кретином» — каждый раз думал мальчик, когда шел в процедурную, чтобы в очередной раз у него выкачали литры крови (так казалось мальчику). На самом деле брали по 400 грамм, но мальчики на то и есть мальчики, чтобы преувеличивать. Особенно если речь идет о ранах. Кровь брали каждое утро с промежутком в двое суток. Так поступали только с Гавром и еще тремя детьми: девочкой и двумя мальчишками. Значит их уже четверо: таких же, как он сам. Хотя по уровню интеллекта они обычные шестилетние или семилетние дети, кому-то на вид было даже десять, но Гавриил с ними почти не общался. Они для него были всего лишь детьми, пусть их особенности схожи, но они всего лишь дети: плачут, дурачатся. В то время, как Гавриил, казалось, единственный из обитателей этажа подходит к книжному шкафу и что-то берет оттуда почитать. Когда все остальные отвлекаются, чтобы поиграть друг с другом, Гавриил просит включить медсестру кино, потому что невозможно терпеть эти глупые мультики: кот бежит за мышкой, потом наоборот, лишь иногда кто-то что-то говорит и никакого сюжета, они просто гоняются друг за другом и причиняют друг другу боль, однако убить не спешат. Совсем, как люди, такая же бессмысленная жизнь, где все, даже твои близкие норовят сделать тебе больно, хотя и не желают тебе зла.

После процедур, в которые плюсом входили пара уколов и с десяток таблеток, нужно было идти в столовую и кушать эту противную еду (между прочим сегодня не воскресение, и мясом в столовой даже не пахло), смотреть, как малыши пускают слюни и спят за столом, а потом их трясут и орут на них. Но хуже всего был прожигающий взгляд темнокожего огромного санитара, который, казалось, смотрел только на Гавриила, хорошо, что после завтрака он уходил к лифту и можно было не видеть его еще десять часов. А там ужин и опять он…

Тот, кто успевал придти в общую комнату, имел право попросить включить добрую тетушку мед. сестру включить все, что тот пожелает. Кто не хотел смотреть или кто не успевал занять место (диванов было шесть, а детей в семь раз больше) играл в настольные игры или просто читал. Закон был один: класть на место то, что берешь. После обеда детей отвели в страшную зеленую комнату, в которой учили, как правильно писать, читать; в которой заставляли тебя что-то красить, лепить; в которой рассказывали о каком-то там космосе и каких-то там растениях, до которых детям не было интереса. Но не Гавриилу, хоть и приходил только, чтоб послушать о космосе и растениях, о динозаврах и мамонтах, но считать и писать он не любил, по крайней мере, здесь, для него это было так нудно, ведь он это все знает, а тут еще нужно повторять, повторять, повторять. Однажды он взял книгу с полки с названием «Расширение сознания и скрытые детали мира», прочитал ее, задал несколько вопросов по ней учителю, тот ничего не ответил, и на следующий день этой книги не стало на полке. Так произошло и со второй книгой. Наконец Гавриил понял, что лучше держать знания при себе: пусть все

думают, что ты малолетний слюнявый идиот. И с тех пор он стал молча читать книги, стараясь не светить обложкой перед остальными, так безопаснее.

В этот день, второго февраля 1995-го года, Гавриил нашел друга в одной белокурой девочке. Счастью не было предела: не пришлось ждать весны.

В шесть часов пополудни заканчивалась занятие в «Послеобеденной школе Мистера „я прячу свою лысину длинной прядью“ с плохим запахом изо рта». Все дети разбежались кто куда, Гавриил спокойно направился к окну: так уже хотелось погулять. «Будет весна, будет и свежесть. Свежесть мысли» — размышлял мальчик, глядя в окно. Каждый раз ему приходилось занимать табурет у стола, чтобы посмотреть в окно на равнину, расстилавшуюся до самой воды: все гладко, ни одного дерева, иногда туда выходили люди, чтобы пострелять, иногда, чтобы устроить некий кросс. Вот же везет некоторым.

— Гавр. Гавриил! Тебя же так зовут, верно? — подошла сзади девочка и ткнула в бок ему пальцем.

— Ай, не тыкайся. Да, — лицо мальчика стало серьезным. — к вашим услугам, леди.

— Ах ты сердцеед, — хихикнула девочка, — знаешь, как умаслить даму. Ты думаешь, наверное… Ты… Ты не один такой. — девочка крутанула палец у виска.

— В смысле придурок? Это я знаю.

— Очень смешно. Ты понял, о чем я. — резвый детский голос сменился серьезным тоном. — Я тебя понимаю, все эти малыши не более, чем… чем малыши. Но не мы, верно? — мальчик кивнул. — Давай дружить, я, может и не такая умная, как ты, но и не такая глупая, как они. Как эти врачи. — последнее предложение она произнесла шепотом в его ухо.

— Да, и как я раньше не заметил. Твои глаза. Я таю. — щеки и нос мальчика налились кровью, девочка прикусила указательный палец и хихикнула. — Нет, правда. Я вижу ободки или как они там называются, у всех они просто окаймленные, а у тебя…

— Они золотые. Золотоглазка к твоим услугам. — девочка приподняла правую штанину и немного подогнула колени. — Ну ладно, Александра я. Фамилию не назову, они некрасивая, как наш учитель… и пахнет от нее не очень.

— Александра. Эх, так звали мою подругу. Мы дружили с ней с садика, я носил ее портфель, ходил с ней за ручку, рвал ей цветы, — мальчик отвернул голову к окну и мечтательным взглядом сверлил стекло. Потом вернулся с облаков. — Зачем я тебе это рассказываю, не знаю, никому не говори, ладно?

— Не стесняйся своих чувств, маленький ковбой.

— Что такое «ка-а-фбой»? — нахмурил мальчик брови.

— Не знаю, по телевизору шел какой-то вестерн… Да не смотри ты так. Это вроде бы кино про Дикий Запад, не знаю, папа так говорил.

— А-а. Прости, у тебя нет портфеля, так что я не смогу его тебе носить, да и цветов тут нет. — снова улетев в облака сказал Гавр.

— Ничего страшного, зато у нас есть языки, чтобы болтать, и руки, чтобы, сцепившись ими, бесить здешний персонал, и гулять, гулять. Гуля-ять! — в последнем слове уже полностью ушла наигранная серьезность и девочка по-детски взвизгнула и теперь уже не стеснялась. Ведь эмоций не нужно стесняться, она сама так сказала. Еще так говорила Майя, а Майю надо слушать.

— По одному этажу не разгуляешься. Но поговорить можно о многом. Смотри, сколько книг, — он кивнул на шкаф, потом на телевизор. — а сколько не просмотренных фильмов! Так погоди… Па-га-а-ди. Ты можешь видеть приятные воспоминания, да? — осенило мальчика.

— Да, я вижу правду. Точнее слышу, все ее говорят, если я хочу. И если не хочу. — девочка положила голову на грудь, — Это так больно. Моя сестра думала, что ей больно, когда ее бросил парень, но ошиблась. Она еще больший ребенок, чем я… Потом она сказала мне,

что собирается сделать аборт, и тут же замолчала и выпучила глаза. А я не знаю, что такое аборт! Эх, вот печально, знаю слово, но н знаю значение. Незнание так ломает.

— Я редко с ним сталкиваюсь. Ну, с незнанием, да и ты тоже. — улыбнулся мальчик и приподнял ее подбородок. — Все хорошо. А вот… Аборт это убийство малышка-зародыша. — он удивился, прикрыл рот ладонью, — О-ой.

— О как! Что она за человек такой! Убить ребенка! —девочка посмотрела в потолок, перевела взгляд на мальчика. — Хотя какой бы она стала мамой… Ну ладно, не прилично родственников обсуждать. И, прости, что выудила, оно как-то само собой получается, ничего не поделаешь.

— Да ничего. Это называется детским любопытством, в конце концов, мы дети. — мальчик залез на подоконник и рукой махнул Александре, чтобы та разделила место под Солнцем. Она залезла, неуклюже, показывая всей игровой свой маленький зад, но так забавно. — Я вот подумал, это можно контролировать, я вот уже могу контролировать кое-что!

— Не болтать попусту? Если так, то не слишком то ты умеешь.

— Нет. Просто я из тех, кто… — мальчик глубоко вдохнул. — из тех, у кого не может быть шрамов.

— Нытик, мямля, ботаник? — пошутила девочка.

— Ха-ха. Я раны затягиваю. Думаю о прекрасном и оп, ни следа. Но иногда грустно, о татуировках можно и не мечтать. Но мне сказал один врач, что даже такие, как я, не вечны. Он сказал, что даже если у моего врага не будет оружия, то меня сразит время…

— Время никого не щадит. Твой источник высохнет. А теплые воспоминания съедят черви, присыпанные землей. — оборвала его девочка.

— Да. Он и тебе так говорил. Да всем, наверное. Отточенный сценарий. Сколько по твоему мнению лет они это делают? Десятки? Сотни?

— Раз у них так все отточено. Хорошие условия. Я знаю, что у всех что-то берут и что-то ставят. Мне на голову какой-то дурацкий шлем одевают.

— Надевают. — поправил он девочку.

— Ага… Шлем надевают, так неприятно потом становится. Ну, после процедуры этой. Такая тоска нападает. Кстати, а ты давно тут?

— Ну, где-то через месяц после моего прибытия здесь появилась ты. Так что я такой же новичок, как и ты. Тебя тоже украли, когда ты пришла из школы?

— Вовсе нет. Мы ехали на экскурсию в какой-то музей, не помню названия… Так вот, на дороге был гололед, такое вообще редко бывает в конце ноября, но было, рядом все ехала машина. Серебристая, вроде бы русская. Они ехали следом и как только мы выехали на трассу, то столкнули автобус с дороги, странно, что они полностью справлялись с управлением, ведь скользко, но мы перевернулись. Все, кто сидел слева, их… Их раздавило, — девочка грустно взглянула на мальчика. — и всех, кто не пристегнулся с правой стороны — тоже. А вот я и еще четверо, включая учителя, толстого такого, никогда его не забуду, выжили. Степан Викторович так смешно упал, когда отстегнул ремень, — девочка хихикнула. — но это было смешанно чувство — ему вроде бы и больно, я чувствую, а вот мне еще и смешно. Да… Дети жестоки. Ну, а потом эти люди в куртках забрали меня. Один из них, самый стройный и красивый, — ох уж эти девочки… — заполз в автобус, вытащил меня под руки. Посадил меня в машину, а трое остались снаружи. Когда все уселись и мы тронулись, то… Они взорвались. — Мне так их жаль. Даже этого толстого Гошу, необъятный такой, любил поесть и не любил мыться… Вот беда

— Им это выгодно — случилась авария из-за плохой дороги, потом замыкание… — Гавр глубоко вздохнул. А я… — и мальчик рассказал свою историю.

После ужина их ждало почти все то же, что и утром: процедурная, делай-что-хочешь-в-общей-комнате и ложитесь спать. Гавриил сдружился с Александрой, и они весь вечер бол-

тали о старой жизни, о школе, детском саде, ведь с их стороны это было куда интереснее и увлекательнее, нежели с точки зрения обычных детей. Эти двое все понимали. Все. Гавриил лег с мыслью о том, что нашел сегодня друга, первого за три месяца… а может и шесть лет. Александра думала о том же, только вот у нее, в отличие от Гавра, в прошлой жизни было много друзей и все ее любили, ведь она такая красавица для них. Но были, конечно же, и те, кто по-детски издевался. Дети жестокие создания, ибо не ведают, что творят. Александра это понимала, и поэтому ни на кого не обижалась. Казалось бы, живи себе да живи, умная, красивая, общительная, что еще надо мальчикам? А нет, ее вырвали из этой беззаботной жизни, и все из-за ее интереса к мраморным скульптурам. Очень уж их любила.

Сегодня Гавриилу не снились никакие кошмары. С собакой и девочкой в белом — точно.

3

В десять утра светловолосого мальчика с зелеными глазами, которые заливал золотистый свет, завели, а точнее затащили в палату и положили на кровать. Как только санитары вышли прочь, возле Виктора собралась толпа, обычно подходили только двое его друзей, но обычно его и не затаскивали, а просто вели под руку. Кровать его находилась где-то в середине комнаты. Он все наблюдал, как свет то гаснет, то включается. Нет, с электричеством было все в порядке; нет, он не моргал. Просто он опережал свет. После стеклянных колб ему всегда становилось плохо, но сегодня его уже третий раз отвозили на четвертый этаж, в «Кабинет №12», и от этого ему стало хуже, чем когда-либо бывалою

— Так нельзя, Вик, они тебя убьют таким образом, — воскликнул один из мальчиков и сел по левую сторону от Виктора.

— Именно. Ты должен отказать им! Должен! — поддержал того второй мальчик, которые сел справа. Остальные наблюдали за Виктором с благоговением, но все молчали, кроме двоих.

— Крам… Кра-а-а-мор, — не шевеля губами Виктор пытался позвать темноволосого мальчика с короткой стрижкой, в такие моменты он не мог различать их по другому признаку: ему казалось, что у всех глаза просто пылают золотом, да и к тому же, ему мешала другая особенность зрения: видеть быстрее времени.

— Тише, ты пока отдохни, а мы что-нибудь придумаем. Да, ребята? — спросил тот у публики. Тот, кто сидел справа: тощий мальчик с длинными черными волосами и смуглой кожей; заскандировал, — Мы должны это прекратить. Построить план. Спасти друга. — эти дети такие наивные, — Раньше водили туда один раз, так, Вик? — тот кивнул (или сделал что-то похожее на кивок), — Так потребуем, чтобы снова сделали так. Они ведь высосут из него все соки, — обратился тот к публике. — Когда это началась, ты помнишь? Потому что мы поначалу не замечали, уж прости нас, Вик. Была бы с нами Алиса, она бы все заметила, — Мальчик замер. Все затаили дыхание. Потом продолжил. — Она бы помогла, всегда помогала. Крамор на него задумчиво посмотрел.

— Эт-то началось… — пытался выдавить из себя Виктор.

— Так, отойдите, ему покой нужен, и мы отойдем. — оборвал Крамор лежащего. Затем погладил его волосы, знал, что Виктор не любит это и все равно сделал. Юмор всегда лучшее лекарство. Хоть и специфический. Тем временем двое отошли к столу, который стоял в углу, совсем одинокий и покинутый.

— Саш, ты извини, конечно, но она пробыла то тут две недели, — прошептал Крамор собеседнику.

— Слуша-а-ай, — растянул тот, — давай без этого, а. Она ж была нашей радостью, ты сам говорил. Кто тебя читать научил? А писать, а? А кто научил меня играть на пианино? Кто это, интересно знать, веселил детей? Уж не какая-то рыженькая зеленоглазая девушка?

— А ты не маленький ли, чтобы различать симпатичных и не очень? — ответил тот.

— Мне скоро восемь будет. Это ты у нас сопляк. — ответил Александр.

— Замолчи ты. Давай лучше придумаем, как их умаслить. Может согласятся, может — нет. Но попробовать стоит. — попробовать и правда стоило, ведь когда Виктор не лежал мокрым комком бумаги, то веселил всех: на этаже находились и те, кому стукнула за двадцать, и те, кто только пошел в школу, но с десяти до восемнадцати лет здесь никого не было.

— Подожди. Не надо подлизываться. Просто пойдем и поговорим с ними, как мужчины с мужчинами.

— И с тем черным?

— Ну, если только его не будет. — ответил Александр. — Подождем немного и пойдем.

— Нечего ждать, айда-а-а. — предложил Крамор, тому ничего не оставалось.

Они двинулись к двери, по пути пожелав Виктору здоровья и благополучия в семейной жизни (очень смешно, Саша). Александр помялся возле двери, как полагается, он же ребенок, Крамор открыл дверь. Посредине холла не было никакой комнаты, так что с поста медсестры можно было видеть все двери в комнаты, находившихся на этаже. Они решили, что идти прямо и достойно — самый верный вариант, чтобы попросить об одолжении, пусть взрослые видят, что с ними разговаривают не черви, а люди. Темнокожий мужчина еще не ушел: сидел за стойкой и трепался с медсестрой. Он увидел двоих мальчиков, замолчал: направляются к нему. Ему это показалось странным, потому что дети всегда старались обходить его стороной, такое уж у него к ним отношение.

— Мне кажется или вы и впрямь с гордо поднятыми головами идете прямо на меня? — весело спросил мужчина, мед. сестра увидела его злостную улыбку, испугалась, ведь мужчина был жесток с детьми даже для этих мест. Очень жесток.

— Перестань мучать нашего друга, раб! — обратился к нему Крамор. Мед. сестра еще больше напряглась. — А ни то я тебя заставлю вновь увидеть лицо своего отца!

— Фотографии у меня остались, так что все это тупо, понял? — сказал темнокожий. — Тебе все неймется, еще раз такое повторится, маленький скот, ты больше не увидишь своего друга.

— Хм. — мальчики уже подошли на расстояние вытянутой руки к посту. — Ты знаешь, что такое фотографии. Надо же!

— Саша, перестань. — ткнул его в бок Крамор.

— То-то же, учишься быстро. Так про какого ты друга говорил? — мужчина хоть и был тираном, но отнюдь не глупым и отличал детей, которые будут тебя слушаться всю жизнь, от детей, которые вырастут в монстров и съедят твою голову. Поэтому старался быть мягче с Крамором. Сдерживался.

— Про Вика. Виктора. Беленький такой. — спокойно ответил Крамор. — Последние пять месяцев ты его просто затаскал. А сегодня он вообще раскис. Хватит. Слышишь?, — и никого из них не удивило, что его напарник отсутствовал: палату посещали двое.

— Мальчик мой, это не твое дело. Ты не ребенок больше. Ты яблоко, ты и твое окружение. И сколько мы захотим, столько будем выдавливать из вас сок. — с улыбкой промолвил темнокожий.

— Вы? Ты-то как к этому относишься, — Александр усмехнулся, потом смутился. — Артур, ты всего лишь таскаешь детей туда-сюда. Ой, прости. Самых важных детей. Это ж такая привилегия. — мальчик воздал руки к потолку.

— Заткнись ты, щенок. Ты! — он указал на Крамора, — заткни его или придется мне. — не пришлось.

Сзади на цыпочках подкрался напарник Артура и Александр почувствовал, как его плечо что-то укололо. Все его мысли сомкнулись на желудке. Его опять будет тошнить весь, это так невыносимо. Успокоительное для его организма, как слабительное. Только все выходит не из той-самой-штуки.

— Саша! — вскрикнул Крамор и обратился к подошедшему сзади мужчине, — ах ты трусливая собака, крыса тыловая, да я тебя на ремни порежу! — начал кулаками его, санитара, бить. Но тут сзади его обхватили две руки, «крыса тыловая» достала укол, — Рабы гребанные, раб… не лезь… а-а. — но напарник Артура сделал свое дело. Скандалы здесь можно было решить только одним способом: вовремя их предотвратить, иначе дети будут думать, что у них есть свобода слова, мысли и воли. Что и пытались отнять у них все эти люди. Подавить их волю, подчинить детей себе…

Прошли четыре часа.

— Эй, просыпайся, обедать пошли, — дергал Крамора мальчик. — черный ушел. Все хорошо. И полете-е-ели…

— … Врагов своих сотрем в порошок или зароем у е-е-ели, — продолжил просыпающийся, улыбнулся, встал. — Саша блюет, да? — мальчик кивнул. — Ох уж эти практичные неженки. — Но Александр не был неженкой, просто он любил пианино, которое стояло в общей комнате и открывалось только для тех, кто умеет играть (глупо, не правда ли? Персоналу это казалось забавным), любил писать стихи, сочинять песни, которые они пели в своей комнате. Только Виктор никогда не пел, он щелкал пальцами и танцевал, либо набивал ритм на изголовье кровати. Вот и эту песенку сочинил Александр.

Хоть их круг и состоял из трех человек, и всегда они были «вышкой» компании, в столовой приходилось садиться по четыре человека за стол. Поэтому во время завтраков, обедов и ужинов с Крамором, Виктором и Александром сидел вечно ноющий о своих проблемах Дмитрий. В общем-то все у него было хорошо, только он не хотел отпускать свою прошлую жизнь, еще бы: ему было 23, и жизненного опыта у него было гораздо больше, чем у остальных. А значит и проблем. А значит и поводом для жалоб на жизнь. Вот и сегодня он вновь сел с ними. Ему можно было доверить все тайны вселенной, он бы все равно никому ничего не рассказал, потому что плохо соображал и иной раз ему приходилось показывать, как держать книгу. Зато он был спокойным.

— Все-таки ты придурок, Крам. — обратился к тому Александр в том время, как садился за стол: сегодня он пришел последним, потому что мистер кишечник негостеприимный и не любит всякие препараты, хотя мальчик и не понимал, как это укол может действовать на желудок. — Айда без плана, айда без плана, говорил же, что надо что-нибудь придумать.

— Надо сходить на поле и сделать его, — потирал Виктор виски, — вообще-то вы оба придурки.

— О, сэр «Я шучу дурацкие шутки» оживился. — заметил Крамор.

— Не дурацкие. Июль же. Самое время. — ответил тому Виктор. Дмитрий засмеялся во все горло. Ну надо же, и впрямь идиот. — Замолчи ты… Вы ничего не сможете сделать, пока… — он взял хлеб, откусил, отведал пюре, и с набитым ртом продолжил, — пока мне не исполнится десять. Они говорят, что тогда я смогу решать, сколько раз в неделю это делать, — прожевал, затем… — может и брехня, но нужно надеяться, а? — толкнул плечом он Александра.

— Ага. Ребят, я такое видел во сне… Думал, пока целую унитаз — забуду, ан-нет, может хорошо, а может и нет. — сказал Александр.

— Это все потом, — заметил Крамор, — давайте в палате это обсудим, а? — все согласились. Еще бы: такое не сядет в одну маршрутку с аппетитом.

Спустя пятнадцать минут тройка сидела в палате. И они начали совещаться, предварительно отослав Дмитрия.

— Ну, и что ты там увидел? — спросил Виктор.

— Алису. — тот опустил голову, — нашу заботливую Алису, с ней была собака, страшная такая, как ты, Крам. Вот такой высоты, — он поднял ладонь на уровне стола. Одинокого, всеми забытого стола. — Она мне сообщила об одном мальчике! Мы должны ему помочь.

— Так погоди, Алиса? АЛИСА! — удивился Виктор. — И ма-а-альчик… У мальчика золотистые глаза? — Александр искосо на него посмотрел, — А, ну да, как его звали, кто он?

— Гавриил. Темные волосы, голубые глаза, и да, золотистые, как и у всех нас. — подернул собеседника.

— Так. Я его видел. Только я был тогда овощем… Не таким, как этим утром, но все же…

— О как. В общем, она сказала, что его ждет большая опасность. Нас всех она ждет, а она о нем заботится. Погодите, вы верите? То есть в призраков? Не, я-то да, я ж творческая личность, — откинул за плечо воображаемый шарф, — но если и вы, то ладно. В общем она сказала, что у него собираются отнять сердце. Как и нее. Вы знали, что ее сердце пересадили

какому-то хрычу? — Виктор и Крам удивились, широко раскрыв глаза. Открыли рты совсем немного, видимо хотели что-то сказать, потом закрыли. — Так вот, помешать мы этому не сможем.

— И зачем ты это тогда рассказываешь, умник? — спросил Крамор.

— Но он может выжить. Не знаю, как, но Алиса так сказала. Только понадобится один из нас. Один мощный источник энергии. Зеленоглазый блондин с тупыми шутками. Не видели? — Александр прищурился и пронзал взглядом Виктора. — Только тебе станет плохо.

— Еще бы. Я привык. А что в нем, собственно, такого особенного, чтобы его спасать? — спросил блондин.

— Он видит детали. — твердым голос произнес Александр. Двое на него с недоумением посмотрели. — Ох, он изучает здание, а это значит, что ваши задницы с его помощью могут давить стулья ваших домов.

— У меня нет дома. Я ж сирота. Забыл? — сказал Виктор.

— Ну, я согласен, если он отправит меня в Польшу. — сказал Крамор.

— Ага. Все так просто. С тобой то мы решим что-нибудь, Вик, — Александр уже размечтался о свободе. — только бы выбраться… Но пересадка только через три года, а до этого нам нужно ждать и не умереть. Ну или хотя бы ты должен выжить, — тот кивнул на Виктора. — Если он каким-то чудом выживет, то, возможно, сможет вытащить и нас.

— Тут есть морг? Должен быть, чтобы сжигать тела, крематорий. Но ставлю свой дом, которого у меня нет, на то, что он в подвале, а мы на пятнадцатом. Контраст чувствуешь? — поинтересовался блондин, — Нам надо будет торчать возле операционной? Или спуститься в морг? Вернуться обратно с каким-то левым пацаном, и… И как мы это объясним? Как? Что-нибудь конкретное есть?

— Успокойся. Есть… — ответил Александр, — …ладно, нет. Но он думает над этим. Времени-то еще предостаточно, так что… так что он понаблюдает и…

— И умрет от того, что у него заберут сердце. — с веселым притворством сказал Виктор.

— Не умрет, если ты будешь рядом. — ответил Крамор. — А кстати, что за собака? Она про нее не говорила никогда, хотя всего две недели провели вместе… Кто знает?

— Это ее охранник. «Из стражей воинов Калли» — так она сказала, — пояснил Александр. — Кажется, Доб его зовут. Или как-то так.

— Воинов Калли? Он ее страж? Она воин Калли? — спросил Крамор.

— Видимо… Как и мы с вами. — пояснил ему Александр. — Но она больше ничего не сказала, так что я понятия не имею, кто такие Калли, и как вытащить этого Гавра.

— Калли — это воины! — сделал вывод Дмитрий, подслушавший часть разговора.

— О боже, опять ты. — вздохнул Виктор. — Эх, короче, надо ждать. Так? — все трое кивнули, потом другие трое посмотрела на Дмитрия и закатили глаза. Дружно.

Они все делали дружно. Даже лажали дружно. Крамор и Александр тому пример.

4

После дня дружбы, так называли Александра и Гавриил второе февраля, девочка в белом приходила к ним обоим. Александра даже не желала смотреть на нее, а вот Гавриил… Он, можно сказать, подружился с девочкой в белом.

На улице лил дождь… и снег, автобус то и дело трясло, обычное дело для советских автобусов, девочке, сидящей с Пашей из шестого «Б» было скучно и немного противно: он молчал и вонял потом вкупе с отцовским парфюмом, а когда пытался заговорить с девочкой, то слова те казались Саше скучными. « Какой же он глупый» — подумала девочка, она была почти обо всех такого мнения, но некоторые ей казались очень даже… не глупыми, даже те, у кого она в глазах не наблюдала золотистое свечение. Например, Степан Викторович — сорокапятилетний настоящий советский мужик, как говорил отец Саши, такого мнения он держался и о себе. В сорок лет он развелся с женой, двух детей, пятнадцатилетнего мальчика и десятилетнюю девочку, она забрала себе. Забрала себе. Как будто это вещи. Степана мало что тревожило в этой жизни, ему даже не приходилось с друзьями по выходным напиваться в какой-нибудь забегаловке, ведь он был счастлив. Счастлив, потому что у него была семья. Крепкая, дружная семья. Что еще надо для советской полноценной жизни? Но не тут то было. Жена загуляла, видите ли ей стало скучно, а от кудрявых, черноволосых, зеленоглазых и в юбках выше колена у мужчин того времени «срывало башню», опять выражение Сашиного отца. Вот и Людмиле, жене Степана, захотелось кого-нибудь одурманить, потому что семейная жизнь скучна, каждый это знает, и вместо того, чтобы пытаться отремонтировать старый дорогой «Кадиллак», она решила приобрести новенькие, «дерьмовые Жигули», опять выражение Сергея Владиславовича, отца Саши. Степан и Людмила в итоге развелись, не тихо и мирно, а со скандалом, руганью, судами, детей чуть не забрали в детский дом, но даже несмотря на это Степан все равно не сказал ни одной живой душе, что его жена ему изменяла, вот и пришлось упустить детей. Для него это казалось не таким позорным проигрышем, чем, если бы все знали, что его жена наставила ему рога. От этого, будучи среднего телосложения, он и стал таким… обширным. Начал, как говорится, заедать горе мороженым, только не мороженым, а высококалорийными продуктами. За пять лет его бока увеличились в размерах, но на карьеру личные отношения никак не влияли, за что все родители говорили спасибо ему. И Сергей Владиславович по этому случаю стал называть его настоящим советским мужиком, все выдержит, на такого можно положиться.

У Александры отнюдь не было желания выслушивать все эти истории от родителей, но раз они трепались в гостиной… Что поделать, она же девочка, маленькое и любопытное создание. И в тот день, семнадцатого ноября, она смотрела на сопровождающего учителя и вспоминала эту историю, и сама его считала сильным. Ведь зачем после шести занятий со средними классами брать еще поездку на экскурсию в музей? Девочка подумала, что коллеги опять спихнули на него всех собак, ох уж это постсоветское общество. «Мы же цивилизованные люди, — говаривал Сергей Владиславович. — что мы, разве не найдем кого-нибудь левого, чтобы тот сделал всю работу, пока мы сидим, а?». И его дочь, будучи белой прекрасной розой, расцветала еще больше. Но отца не удивляло, что она понимает «взрослые» шутки, он уже привык, что Саша показывает свой ум и не стесняется говорить, как совсем большая девочка. Александра ехала и улыбалась, такие воспоминания греют душу, пусть эти воспоминания — истории о неверной жене и не любящих отца детей, ей было хорошо, потому что все это в прошлом, и на это она никак не могла повлиять. Мы не несем ответственность а незнакомых нам людей, а Саше тогда было два годика, поэтому…

— Так, пристегиваем ремни, ребятки, мы выезжаем на объездную. А кто ездит по объездной? — спросил у детей Степан Викторович, на пол оборота повернувшись к детям сзади.

— Законопослушные граждане! — ответили те.

— Потому что кто патрулирует объездную, кто ползет на нее, как муравей на рафинад? — все тем же веселым и хрипловатым голосом спросил учитель у тридцати учеников.

— Дорогу патрулирует милиция. И все они ждут денег. — радостно воскликнули дети.

Степан Викторович никогда бы не хотел разрушить детство детей, но от того, что он рассказал им, что такое коррупция и что в их «счастливой стране», где только-только развалились одни бразды правления и построились другие, все беды из-за коррупционеров, причинит им вред? Правда горькая, но она необходима. Хотя некоторые дети и не понимали, что такое коррупция, но всегда соглашались с теми, кто постарше. Некоторые дети все равно не пристегнулись. Они думали, что милиция ни за что в жизни не остановит автобус с детьми. Хотя на памяти Степана Викторовича такое было не раз. « Совсем у них совести не осталось, — говорил директрисе толстобокий мужчина. — штрафы выписывать водителю школьного автобуса! Что с нашей страной творится?». Директриса всегда разделяла его взгляды, но если бы услышала, как он что-то «втюхивает» им про коррупцию, то тут же выпроводила его на долгосрочный бесплатный отпуск. Большинство взрослых не хотели бы, чтобы дети думали, что они живут в «плохой» стране. «Ведь она не плохая, ведь все у нас хорошо!» — твердили взрослые. И правильно, что пытались скрыть, может дети бы за незнанием худшего все сделали бы лучше. Но это не точно.

Александра увидела пристроившийся сзади серебристый неприметный автомобиль…

— Ну что, маленькая стерва, пришло время отправиться на корм рыбом, — сказал Степан Викторович и рванулся к Саше, — в этот раз никто не взорвется, и я тебя порежу! — его лицо стало расплываться черной слизью, кипящей. Александра бросилась на окно…

Александра открыла глаза и увидела как летит на пол с кровати. Никто не услышал шума. В автобусе девочка кричала во все горло, когда проснулась, то не могла издать и звука. Перевернулась на спину, увидела пса у ее ног, поползла на локтях, потом перевернулась на живот и двинулась к шкафу, когда добралась до двери, то, открыв ее, увидела девочку в белом. Она протянула к Саше руки, положила плечи, девочка завизжала, глядя на красное расплывающееся пятно посредине груди девочки в белом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.